

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СИЯТЕЛЬНЫЙ

ПАВЕЛ КОРНЕВ
БЕЗЛИКИЙ

Всеблагое электричество

Павел Корнев

Безликий

«Автор»

2017

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Корнев П. Н.

Безликий / П. Н. Корнев — «Автор», 2017 — (Всеблагое электричество)

ISBN 978-5-9922-2543-3

Он не тот, за кого себя выдает, и настолько привык притворяться кем-то иным, что давно позабыл, как выглядит собственное лицо. Он не любит причинять людям боль, но не расстается с кастетом и выкидным стилетом. Он – Петр, Пьер, Пьетро и Питер, но никто не знает, каким именем нарекли его при рождении. Не знает этого даже он сам. А попробуй разберись с собственным прошлым, если перешел дорогу анархистам, гангстерам и заезжим чернокнижникам! В этом мире наука заняла место религии, пар и электричество сделали магию уделом изгоев, а сиятельные со своими сверхъестественными талантами лишены реальной власти. Но мечты механистов о золотом веке так и остались мечтами, и все явнее признаки приближающейся войны, равной по размаху которой человечество еще не знало...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2543-3

© Корнев П. Н., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Пролог	5
Часть первая	13
Часть вторая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Павел Корнев

Безликий

Пролог

Иногда я готов убить, лишь бы только остаться в тишине. Особенно когда нет никакой возможности махнуть на все рукой и уйти, а от неприятных звуков натуральным образом раскалывается голова.

На этот раз причиной мигрени стал невыносимо визгливый тенорок Виктора Долина – нового приобретения хозяйки клуба. Распекавший танцовщиц хореограф то и дело срывался на фальцет, и никак не удавалось заставить себя не обращать на эти пронзительные крики внимания.

Но убить? Да нет, есть способ проще.

Отложив кисть, я достал из кармана коробочку с надписью Ohroрах, вставил в уши изготовленные из пчелиного воска и пропитанной вазелином ткани беруши, надавил, и наступила блаженная тишина. Головная боль исчезла, а вслед за нею пропало и желание свернуть крикливому баламуту шею.

Хорошо!

Я вновь взял кисть и взглянул на сцену, где шел последний перед завтрашней премьерой прогон. Девушки из кордебалета были прекрасны и восхитительны, но Ольга Орлова своей грацией легко затмевала их всех. Даже не потребуй этого хозяйка клуба, я в любом случае поместил бы на афишу именно русскую приму, и никого другого.

Просторный зал был погружен в полумрак, газовые фонари освещали лишь сцену да мой закуток с большим плакатом и парой мольбертов поменьше. Какое-то время я наблюдал за прогоном, подмечая интересные детали, а затем вновь вернулся к работе, но только начал смешивать краски, и репетиция уже подошла к концу. Ольга первой покинула сцену, вслед за которой побежали разряженные девицы из кордебалета.

Постановщик наконец прекратил бесноваться, вытер платочком вспотевшее лицо и спустился к Софи Робер – черноволосой женщине в длинном узком платье, облегавшем стройную фигуру словно вторая кожа. Рядом с ними тут же оказался буфетчик Морис Тома. Владелица клуба взяла с подноса бокал с шампанским и что-то сказала постановщику. Долин от угощения отказываться не стал, но при этом отчего-то сильно смутился и вперил взгляд себе под ноги. Оно и немудрено: за те два года, что Софи управляла доставшимся от супруга клубом, она в совершенстве овладела искусством укрощения творческих личностей вне зависимости от степени их известности и взбалмошности.

Я не удержался, взял карандаш и принялся небрежными штрихами рисовать Софи. На скорую руку изобразил ее выющиеся волосы, мягкий овал лица, прямой нос, ямочки на щеках и полные губы. Затем добавил легкие морщинки в уголках миндалевидного разреза глаз, несколькими быстрыми движениями наметил высокую грудь, стройную талию и длинные ноги, а под конец вместо платья обрядил Софи в корсет и чулки с подвязками. В руку вложил хлыст.

Бедный, бедный Виктор. Надеюсь, завтрашняя премьера нашу хозяйку не разочарует...

Пока я развлекался почеркушками, Виктор и Софи допили шампанское и покинули зал. Пришлось вновь заняться плакатом, попутно размышляя, в какое из окрестных заведений заглянуть после работы. У работы с красивыми женщинами есть один существенный недостаток: она... утомляет.

Некоторое время спустя вернулся Морис, уже без подноса, в куртке и кепке. Один за другим он погасил газовые светильники у сцены и направился к моему закутку. Я увидел, как его губы сложились в беззвучное «Пьетро!», и постучал указательным пальцем по уху.

– Не слышу!

Для буфетчика моя манера затыкать уши во время работы секретом не была, поэтому он молча указал на ближайший газовый рожок.

– Погашу! – пообещал я, слыша собственные слова странно искаженными, словно они звучали у меня в голове.

Морис кивнул и ушел в коридор.

Накануне премьеры Софи предоставила свободный вечер всему персоналу, за исключением ночного сторожа и меня. Впрочем, я цепью к мольберту прикован не был. Закончу работу и уйду.

Вытерев обрывком льняной ткани пальцы, я откинул полу убранный на стул пиджак и за цепочку вытянул из кармана серебряную луковицу часов. Взглянул на циферблат, убрал хронометр обратно и вдруг уловил отголосок непонятного удара, словно кто-то опрокинул шкаф или со всего маху захлопнул массивную входную дверь.

Шум вызвал точно не прокативший мимо клуба паровик; размеренный перестук их стальных колес давно сидел у меня в печенках. Нет, это было что-то новое. Необычное.

Я начал вытаскивать беруши, но поторопился и лишь затолкал их еще глубже. В сердцах выругался и, на ходу пытаясь подцепить ногтями скользкую материю, вышел из зала в фойе, а там враз позабыл об ушных заглушках.

Ночной сторож валялся у входной двери, и вокруг его головы растекалась лужица крови.

Я подскочил к нему, опустился на колено и приложил пальцы к шее. Пульса не было.

Какого дьявола?!

В глаза бросилась распахнутая дверь служебного коридора, я забежал в него и увидел, что у кабинета Софи Робер стоит незнакомый моложавый господин, невысокий и крепкий. При моем появлении он нахмурился и спешно завел правую руку за спину.

Я кинулся к незнакомцу и на ходу затараторил:

– Синьор! Нужна ваша помощь! Сторожу плохо, он весь в крови! Вышел на улицу и свалился с крыльца, представляете? Все залил кровью! У нас приличное заведение, а не какой-нибудь притон! Что подумают люди?!

Молодчик в сером костюме произнес в ответ что-то отрывистое и злое.

– Не слышу! – постучал я себя пальцем по уху, продолжая шагать по коридору. – Синьор! Ночной сторож сильно расшибся! Нужна ваша помощь!

Незнакомец ступил вперед и резко махнул короткой дубинкой, метя мне по голове. Я отшатнулся в сторону, и дубинка мелькнула перед лицом, а промахнувшийся молодчик провалился вперед.

Рывок за руку, локтем в лицо!

Тычок пришелся точно в подбородок, голова крепыша мотнулась назад, и он уселся на задницу. Но сознания не потерял, вытаращился на меня и вновь разинул рот. Я шибанул коленом в висок, и незнакомец завалился на спину, приложился затылком об пол и распластался без чувств.

Чистый нокаут.

Распахнувшийся пиджак открыл поясную кобуру, и я не стал поднимать набитую свинцовой дробью дубинку, вместо этого завладел револьвером. Переломил его – барабан подмигнул донцами нестреляных патронов. Заняты оказались все шесть камор.

В мои руки попал «Веблей» тридцать восьмого калибра с четырехдюймовым стволом; почему-то это обстоятельство показалось очень важным, но копаться в обрывках смутных воспоминаний не оставалось времени. Я выругался и толкнулся в кабинет.

Налетчиков оказалось двое. Усатый дылда прижимал Софи к письменному столу и выкручивал руку, не давая дотянуться до ножа для бумаг, его лысоватый напарник пытался задрать хозяйке клуба платье, но узкая юбка застряла на бедрах и никак не поднималась выше. Плешивый тип заранее спустил брюки и оказался столь увлечен грядущим развлечением, что на стук распахнувшейся двери даже не обернулся. На мое появление среагировал лишь долго-вязый. Смахнув нож для бумаг на пол, он резко крутанулся от стола, и тотчас в его руке возник выдернутый из кобуры револьвер.

Хлопнуло! «Веблей» в моей руке дернулся, и хоть стрелял от бедра, усатый завалился с кровавой дырой посреди лба.

Плешивый что-то крикнул и дернул из кармана пиджака черный браунинг, но воспользоваться оружием не успел: две пули, одна за другой, угодили ему в низ живота. Налетчик выронил пистолет, зажал ладонями пах и сполз по стенке на пол.

Выждав пару мгновений, я добил его выстрелом в голову и вернулся в коридор. Но только взял на прицел молодчика с дубинкой, и подскочившая со спины Софи ухватила за руку и заставила опустить оружие.

– Что такое? – удивился я. – Не слышу!

Хозяйка клуба выдохнула беззвучное проклятие, подцепила своими длинными яркими ногтями беруши и выдернула их из моих ушей.

– Это сыщики! – крикнула она. – Пьетро, ты застрелил полицейских!

– Разве ты не платишь им за спокойствие?

– Это не местные! Сыскная полиция! Ньютон-Маркт!

Я опустил на корточки рядом с начавшим ворочаться крепышом и приложил его рукоятку револьвера по лбу, вновь отправляя в забытие, – лобная кость толстая, проломить ее неосторожным ударом нисколько не опасался. После этого вытащил из внутреннего кармана пиджака кожаное портмоне, открыл его и выругался.

Внутри и в самом деле обнаружилась служебная карточка на имя Фредерика Гросса, детектива-констебля сыскной полиции метрополии.

– Ньютон-Маркт? – поднялся я на ноги. – Софи, какого дьявола им от тебя понадобилось?

Хозяйка клуба вернулась в кабинет, переступила через растекшуюся по паркету лужу крови и взяла со стола портсигар. Поспешно закурила, и вставленная в мундштук из слоновой кости сигаретка заходила ходуном в ее дрожащих руках.

– Софи!

– Деньги! – выкрикнула она в ответ и уже куда спокойней повторила: – Им нужны были деньги! Что же еще?

Деньги? Объяснение убедительным не показалось, но прежде чем я успел собраться с мыслями, послышался требовательный стук во входную дверь.

– Откройте, полиция! – донеслось с улицы.

– Думаю, он неплохо меня разглядел, – усмехнулся я, взял на прицел голову оглушенного детектива-констебля и выдохнул: – Пуф!

Стрелять я не стал, вместо этого переломил револьвер и опустошил барабан; патроны разлетелись по полу вперемешку со стреляными гильзами. После кинул разряженный «Веблей» в кресло и спросил:

– Покровители прикроют тебя?

Софи кивнула.

– Прикроют. Только надо сделать пару звонков.

В дверь колотили все сильнее, и я нахмурился.

– Так чего же ты ждешь?

Хозяйка клуба сняла трубку с телефонного аппарата и печально улыбнулась.

– Прощай, Пьетро! Мне будет тебя не хватать!

– Увидимся! – с усмешкой бросил я в ответ и побежал к черному ходу.

Пусть начальник местного полицейского участка и был давно прикормлен, но убийство двух сыщиков из Ньютон-Маркта явно не тот случай, на который станут закрывать глаза из-за сотни франков в неделю.

Пьетро Моретти должен был исчезнуть.

Навсегда.

Мансарды и крыши – будто ступеньки в небо.

Поднимись на чердак, выберись через слуховое окно на крутой скат – и дымный шумный город раскинется внизу, а над тобой останутся лишь облака да редкие дирижабли. Ну и голуби, куда без них.

Последний вечер лета я встречал на террасе пятиэтажного дома посреди моря черепичных крыш. Полотняный навес над головой легонько трепетал под порывами ветра, вдалеке в сером мареве смога маячили башни Старого города, было тихо и спокойно. И никого поблизости – ни закопченных трубочистов, ни вездесущих голубятников.

На застеленном газетой столе лежал немудреный ужин: две булки белого хлеба, пара головок сыра, кисть винограда, кусок копченого окорока и три бутылки молодого красного вина. Я как раз вкручивал штопор в пробку первой из них.

Последний ужин приговоренного? Отчасти так и было: убийца полицейского, пусть даже и полицейского продажного, едва ли мог всерьез уповать на долгую жизнь, хотя бы и на каторге. Такому попросту не дожить до суда.

У Пьетро Моретти не было ни единого шанса перехитрить судьбу. Прячься не прячься, один черт, отыщут и затравят, будто дикого зверя. И потому он должен был исчезнуть.

Свой прощальный ужин я начал, когда на город уже накатили сумерки и серое марево смога растворилось в темноте, загорелись уличные фонари, замигали разноцветными огнями витрины и вывески. Где-то мягко светились газовые лампы, где-то резали взгляд отблески электрических светильников. Громыкали на стыках рельсов колеса паровиков, фыркали пороховые движки самоходных колясок, стучали по мостовым копыта впряженных в экипажи и телеги лошадей.

Вечерняя суэта несколько не занимала меня; покачивая в руке стакан с вином, я отрешенно смотрел в небо. Звезд видно не было, лишь помаргивали в выси бортовые огни грузовых и пассажирских дирижаблей.

Внутри все сильнее разгоралось мягкое жжение, лицо покрылось испариной, блуза на спине пропиталась горячим потом. Вскоре оттягивать неизбежное уже не осталось никакой возможности; я собрал остатки еды и пустые бутылки в холщовую сумку и спустился с крыши в общий коридор. Там отпер боковую дверь и прошел в мансарду.

Тесная кухонька, небольшая гостиная с окном в скошенной крыше и спальня, куда едва-едва поместились платяной шкаф и узкая кровать.

Задернув окно, я разжег газовые рожки, и гостиную заполонил мягкий желтоватый свет. В ростовом зеркале отразился высокий молодой человек со смуглой кожей, копной непослушных черных волос и привлекательным лицом уроженца Апеннинского полуострова. Нос с горбинкой, твердый подбородок, темные, очень темные и глубокие глаза. Немного печальные. Глаза мечтателя и поэта. Именно благодаря им да еще из-за тонких длинных пальцев образ художника и приобретал свою удивительную завершенность.

Пьетро Моретти, живописец. Не гений, но и не бездарность.

Я снял пиджак и принялся раздеваться, скидывая одежду прямо на пол.

Писаным красавцем Пьетро не был. Слишком худой, с тонкими ногами-спичками и немного сутулый. Кожа туго обтягивала ребра, но на животе и боках уже начинал скапливаться жирок. Плечи были узкими, а вот руки, в противовес им, выглядели жилистыми и сильными.

Жжение в районе солнечного сплетения все усиливалось и усиливалось, и почти сразу отражение в зеркале перестало быть черноглазым. Зрачки поблекли и выцвели, засияли лучезарным светом.

Тогда я принес из шкафа в спальне листы ватмана и развесил их по обеим сторонам зеркала. На одних рисунках было запечатлено лицо молодого мужчины в профиль и анфас, на других я изобразил его в полный рост.

Вид спереди, с боков, со спины. На полушаге и в прыжке.

Темные волосы с левым пробором были выбриты на висках и затылке, глаза угрюмо смотрели из-под надбровных дуг, лоб перечерчивали нити морщин, прямой нос слегка изгибался из-за давнишнего перелома, а губы кривились в ироничной ухмылке. Открытое лицо казалось смутно знакомым, тут свою роль сыграло отдаленное сходство с хозяйкой клуба, Софи Робер. Этот человек был несколько ниже Пьетро Моретти и куда шире в плечах. С роста и стоило начинать.

Жжение распространилось на все тело, кожа стала очень теплой, даже горячей на ощупь. Воздух колыхался вокруг меня как над раскаленной плитой. Я сделал глубокий вдох, напрягся – и плоть потекла, словно размягченный воск. В один миг тело просело на пять или шесть сантиметров, опасно хрустнул и загорелся огнем позвоночник. В него будто забили раскаленный штырь!

Я шумно выдохнул, переживая, пока отступит боль, а едва она немного утихла, усилием воли раздвинул свое тело в плечах и нарастил мышечную массу на руках. Те взорвались огнем, заломило ключицы и скрутило ребра, но я уже сделал новый вдох и рывком согнал с живота и боков скопившийся там жирок. По большей части излишек плоти ушел вниз и восполнил худобу ног. Колени подогнулись, лишь чудом удалось не усесться на пол. Но устоял.

Обильная трапеза позволила прибавить к собственному весу еще пару килограммов, за счет этого новое тело вышло куда более мощным и плотно сбитым.

Тело? Да нет, пока лишь заготовка оного.

Я вновь направил силу в руки и заскрипел зубами от болезненного биения пульса в голове. Но не остановился, не скорчился на полу. Перетерпел. На следующем вдохе резкая боль охватила всю грудную клетку, и ничего не оставалось кроме как стиснуть зубы и шаг за шагом прорабатывать и усиливать мышцы торса.

Справился и с этим, а когда пришел черед пресса, по коже уже всюду струился кровавый пот. Пришлось откупорить последнюю бутылку и жадно приложиться к горлышку, дабы хоть как-то унять терзавшую мышцы резь и восполнить потерю жидкости.

Напоследок я сделал ноги поджарыми и атлетическими, а потом стиснул лицо ладонями, и тотчас взорвалась невыносимой болью голова. Кости черепа деформировались и сместились, принимая новую форму; податливая плоть повиновалась касаниям пальцев, словно мягкая гончарная глина.

Первым делом я придал лицу правильную овальную форму с немного более высоким, чем прежде, лбом. После укоротил мочки и чуть сильнее приплюснул уши, а затем несколькими осторожными касаниями добавил массивности надбровным дугам. Глаза запали сами собой, осталось лишь выправить нос, доработать скулы и подбородок да еще вылепить себе новые губы.

Рот стал шире; я поводил из стороны в сторону нижней челюстью и сплюнул на пол кровь. Мне было нехорошо.

Сияние глаз начало затухать, тогда я зажал нос пальцами и под мерзкий хруст повернул его сначала в одну сторону, а затем в другую, добиваясь нужной искривленности.

На грудь потекла кровь, но я не обратил на это никакого внимания и открыл саквояж с медицинскими инструментами. Воткнул кончик скальпеля в бедро и повел вверх, бесстрастно удлиняя неглубокий порез. Затем накрыл царапину ладонью и немного подержал так, а когда

отнял руку, на коже остался застарелый рубец. Еще одна подобная отметина украсила ребра, две прочертили правое предплечье, три – левое.

После я рассек бровь и добавил с обеих сторон глубокой царапины черточки-порезы, имитируя следы хирургических швов. Сильное поначалу кровотечение очень быстро прекратилось, от ранки остался лишь тонкий след шрама.

Под конец я резанул скальпелем вниз от левой мочки к подбородку, и прочертившая загорелую кожу белая ниточка добавила лицу асимметрии, удивительным образом сделав его живым и запоминающимся.

Финальный штришок? Да! Это был именно он!

Я бросил скальпель в саквояж, вытерся старой блузой и вновь посмотрелся в зеркало. Там отразился незнакомец. Быстрый, жилистый и опасный. Мастер не кисти и карандаша, а ножа и кастета.

От художника осталась копна темных волос, но... Это могло и подождать.

Еще не так давно переполнявшая меня сила почти развеялась, сменилась неуютной опустошенностью; я ухватил последние крупницы власти над собственным телом, направил их в кисти и со всего маху приложился кулаками по кирпичной стене.

Левой-правой!

Из глаз потекли слезы, и я зашипел сквозь стиснутые зубы, придавая костяшкам нужный битый и ломаный вид. Затем прошелся по комнате, репетируя упругую походку уличного забияки, а только избавился от последних остатков утонченности итальянского художника, как щелкнул замок входной двери.

Выхватив из саквояжа скальпель, я отступил к стене, но тревога оказалась напрасной: это пришла Софи. Она смерила меня внимательным взглядом и улыбнулась.

– Да ты теперь просто красавчик, Пьетро!

Я кинул скальпель в саквояж, на миг замер, искажая голосовые связки, и спросил своим новым голосом:

– Пьетро? С чего ты взяла?

Софи рассмеялась волнующим грудным смехом.

– О, тебе меня не обмануть, даже не надейся. Узнаю в любом обличье, так и знай.

Она не шутила, и эта уверенность меня откровенно обескуражила.

– Я что-то упускаю? Скажи! Это важно!

Госпожа Робер указала пальцем чуть ниже живота.

– Твое мужское достоинство, Пьетро. Всякий раз оно остается... неизменным.

Я фыркнул.

– Откуда такая категоричность? Объективности ради тебе стоит познакомиться с ним поближе!

Софи покачала головой.

– Не надо все усложнять, Пьетро. Нас слишком многое связывает, чтобы впутывать в отношения еще и постель.

Я лишь кивнул, и тогда хозяйка клуба вытащила из ридикюля и протянула мне не слишком новый на вид, если не сказать – изрядно потрепанный паспорт. Я раскрыл картонную карточку, прочитал:

– Жан-Пьер Симон, – и удивленно хмыкнул. – Не Робер?

– Ты не родной брат, только кузен.

Согласно отметкам пограничной службы Жан-Пьер Симон прибыл на остров два месяца назад и больше Атлантиду не покидал, а внесенное в соответствующие графы описание внешности законного владельца паспорта подходило к моему нынешнему облику наилучшим образом.

– С этим Жаном-Пьером проблем не будет? – поинтересовался я на всякий случай. – Не всплывет в самый неподходящий момент?

– Нет, он отбыл в Новый Свет по фальшивым документам.

– Неприятности с законом?

– Карточные долги.

Я положил паспорт на стол и передвинул к зеркалу один из стульев.

– Подстрижешь? Эти патлы портят мне весь образ!

Софи пригляделась к развешанным на стенах листам с набросками и кивнула.

– Сделаю, – пообещала она, стянула с рук кружевные перчатки и достала из саквояжа ножницы и расческу.

Я уселся на стул и спросил:

– Как все прошло с полицией? Твои высокопоставленные знакомые замолвили за тебя словечко?

Хозяйка клуба поморщилась.

– Учитывая обстоятельства, всем показалось разумным не предавать дело широкой огласке. Убитый со спущенными штанами сыщик не лучшая реклама для Ньютон-Маркта. Если история просочится в прессу, полетят головы.

– Надеюсь, я не слишком сильно приложил детектива-констебля? Он уже дал показания?

Софи перестала щелкать ножницами, заставила меня повернуть голову и лишь после этого ответила:

– Детектив-констебль очнулся и уверенно опознал в нападшем на него человеке Пьетро Моретти, художника клуба «Сирена».

– Как он объясняет свой визит в клуб?

– Никак. Уверяет, что сержант просто велел караулить в коридоре.

– Он не мог не слышать твоих криков!

– Не вертись! – одернула меня Софи.

Я не послушался и задал новый вопрос:

– Уже известно, как они попали внутрь?

– Якобы дверь была не была заперта.

– А сторож?

– Его убивать не собирались. Это вышло случайно, когда он попытался выставить их на улицу. Все списали на оказание сопротивления полицейским при исполнении служебных обязанностей. Расследования не будет.

– Чушь! – зло выругался я. – Что говорит их инспектор?

– Прекрати! – потребовала госпожа Робер. – Не стоит ворошить это дело! Этим и без нас есть кому заняться!

Я покривил уголок рта и перечить не стал. Заставил себя расслабиться и начал любоваться отражением подстригавшей меня женщины. Софи перехватила взгляд и заметила:

– Ты не кажешься особо расстроенным. Надоело возиться с красками?

– Вовсе нет.

Рисовать мне нравилось. Я немало преуспел в этом ремесле, пусть известным живописцем не тал бы даже при самой большой удаче. Для этого не хватало самой малости – вдохновения. Я мог подражать великим и копировать их стиль, но не более того.

– Что же тогда? – заинтересовалась Софи.

– Узнал о себе кое-что новое.

– В самом деле?

– Оказывается, я неплохо стреляю.

Госпожа Робер передернула плечами, словно отгоняя неприятное воспоминание, и начала выстригать затылок. Кожа там оказалась заметно светлее загорелой шеи, и это добав-

ляло моему образу дополнительной убедительности, раз уж Жан-Пьер прибыл в столицу из колониальной Африки лишь пару месяцев назад.

Размеренно шелкали ножницы, состриженные волосы падали на пол и щекотали кожу. Когда на затылке открылась отметина старого ожога, Софи не выдержала и вздохнула.

– Пьетро! Тебе под силу стать самым совершенством, прекрасным, как античный Аполлон, к чему эти шрамы?

Я лишь неопределенно хмыкнул в ответ. Как обычному человеку не дано избавиться от пупка, так и ожоги в той или иной форме проявлялись в каждом из моих обличий. Они словно связывали меня с давно позабытой прошлой жизнью, но говорить об этом не хотелось.

Когда со стрижкой было покончено, я поднялся на ноги и произнес, намеренно грассируя «р»:

– Благодарю, мадам!

Софи сложила опасную бритву, которой подбривала мне шею, убрала ее на стол и от души рассмеялась.

– Пьетро, ты бесподобен!

– Жан-Пьер, – напомнил я. – Не забывай, кузина, меня зовут Жан-Пьер.

– До встречи, Жан-Пьер.

Кузина поцеловала меня в щеку и покинула мансарду, оставив после себя легкий аромат духов и куда более явственное предчувствие грядущих неприятностей. И если запах духов сгинул, стоило лишь спалить в камине листы с набросками, то дурные мысли никуда не делись. Не было ни малейших сомнений, что визит сыщиков в клуб отнюдь не случайность, а лишь первый ход в игре, правила которой нам никто не удосужился объяснить.

Впрочем, так или иначе, любая игра неизменно сводится к банальному «убей или умри». Третьего не дано. Не в этой жизни.

Часть первая

1

Новый Вавилон – город тысячи обличий. Он одинаково легко способен восхитить или ужаснуть, но едва ли хоть кто-то останется равнодушным при виде забранной в гранит набережной Ярденa, величественных дворцов и широких проспектов, древних амфитеатров и самой протяженной в мире подземки. А еще – раскаленных фабричных цехов, зловонных трущоб, смертельно опасных притонов, роскошных публичных домов и убогих опиумных курilen.

Столица Второй Империи одинаково легко притягивала к себе безграмотных мигрантов и выпускников престижных университетов, известных мошенников и непризнанных гениев, целеустремленных карьеристов и скучающих рантье.

Я любил этот город, хоть уже и не помнил за что.

Отчасти, наверное, за то, что Новый Вавилон напоминал меня самого. Он не мог существовать и все же существовал.

Без малого две тысячи лет назад *падшие* вырвали северную часть Аравийского тогда еще полуострова и, как малолетние проказники насыпают в лужу пригоршню песка, зашвырнули ее в Атлантический океан. Так возникла Атлантида, а на ней появился Новый Вавилон. Отсюда падшие правили миром и здесь же нашли свой конец. Но, даже сгинув, умудрились отравить свергнувших их бунтовщиков.

Своею кровью, своею силой.

Проклятие падших наделило некоторых людей сверхъестественными *талантами*, и пусть мои глаза не были бесцветно-серыми, я все же являлся одним из *сиятельных*. Силой разума я умел перекраивать свое тело. Превосходное умение! Главное только однажды не позабыть, как выглядит собственное лицо.

Стоя у открытого окна, я вытирал влажные волосы полотенцем и смотрел на терявшиеся в туманной дымке башни Старого города. Первый день осени выдался теплым и погожим, но ясное небо в Новом Вавилоне было явлением столь же редким, как и дождь в пустыне. Изо дня в день, из года в год смог затягивал все кругом своей отравленной серой пеленой.

Мыться пришлось холодной водой, и кожа покрылась мурашками. Я поскорее кинул полотенце на стул и начал одеваться. В трусах и белой сорочке отошел к зеркалу, посмотрел на себя со стороны и благосклонно кивнул. Размер оказался подобран просто идеально; рукава были нужной длины, в плечах не жало, нигде ничего не висело и не топорщилось. Носки и серые брюки с подтяжками тоже никаких неожиданностей не преподнесли, а вот прочные ботинки показались узковатыми, пришлось слегка изменить форму стопы.

Ерунда, но в глазах так и потемнело. И дальше будет только хуже: чем сильнее вживусь в это тело, тем меньшей властью стану над ним обладать. Через месяц не получится даже убрать родинку или бородавку.

Зачесав волосы на левый пробор, я взял со стола жестяную банку с помадой для волос и тщательно зафиксировал укладку. Поглядел на свое отражение, одобрительно хмыкнул и снял с вешалки серый двубортный пиджак в узкую вертикальную полоску, которая была лишь немногим светлее основного фона. Тот сел так хорошо, будто его шили по моим меркам.

Но не по моим, вовсе нет. Как и ботинки, Софи купила его уже поношенным; одежда Жана-Пьера не должна была казаться слишком новой.

Повязав вызывающе яркий шейный платок, я переложил деньги в новое портмоне, а все оставшиеся после Пьетро Моретти пожитки собрал в холщовый мешок. Затем нацепил кепку, серую, под стать костюму, запер за собой дверь и по узкой темной лестнице спустился на первый этаж.

Двор-колодец был совсем небольшим, сырым и темным, но табличка на стене дома гордо гласила: «Медвежий дворик». Через арку я вышел в глухой переулок, где меж домами были натянуты бельевые веревки с панталонами, брюками и ночными рубашками, и зашагал по узкому проходу. Выкинул мешок с одеждой в мусорку, повернул раз-другой и очутился на оживленном бульваре Грамма.

Там я приподнял над головой кепку, приветствуя симпатичную девушку в платье с узкой-узкой по нынешней моде юбкой, восхищенно присвистнул, и красotka, зардевшись, ускорила шаг. Но улыбнуться в ответ – улыбнулась.

Черт побери! Пожалуй, мне начинало нравиться быть Жаном-Пьером Симоном, весельчаком и дамским угодником!

Пропустив самоходный экипаж с паровым движком, я перебежал через дорогу к газетному киоску, кинул седуусому продавцу монету в полфранка и отобрал стопку разных изданий.

К «Атлантическому телеграфу», «Столичным известиям» и «Вестнику империи» добавил британскую «Дейли Мейл», немного поколебался и все же взял еще и парижскую «Фигаро». Художник Пьетро, как и подобает истинно творческой личности, мало интересовался происходящими в мире событиями, пришло время это упущение исправить.

Сунув свернутые газеты под мышку, я зашагал по бульвару, с интересом поглядывая по сторонам. Раньше в этом районе появляться не доводилось, поэтому все было в новинку. Дома красовались аккуратными балкончиками с цветочными горшками, статуями античных героев и колоннами на фасадах, на бульваре покачивали похужлой листвой каштаны, в сквере рвался к небу высоченный мраморный обелиск, как водится привезенный из Египта и установленный в честь одной из давным-давно забытых побед. А может, чьего-то рождения или смерти; разглядывать табличку было недосуг.

Навстречу попался полицейский патруль, и по спине сразу побежал неприятный холодок. Констебли в летних мундирах и фуражках были вооружены пистолетами и дубинками с железными вставками электрических разрядников. К счастью, на меня они не обратили никакого внимания.

На небольшой треугольной площади, где сходились две улицы, стояли столики, большинство из них оказалось свободно. Я уселся за один, попросил принести кофе, круассаны и сыр. Ничего более серьезного организм сейчас принять попросту не мог.

Пока готовили заказ, я разложил перед собой газеты и принялся просматривать их, в первую очередь уделяя внимание криминальной хронике и разделам с чрезвычайными происшествиями. Таковых оказалось совсем немало.

При разгоне демонстрации в Дублине погибли два человека и несколько сотен пострадали. Организаторов стачки арестовали, но едва ли это было способно переломить ситуацию.

В самом Новом Вавилоне дела обстояли ничуть не лучше. В пригороде подорвали полицейский броневик и обстреляли прибывший на место происшествия наряд; сообщалось о нескольких раненых стражах порядка и одном убитом. Все свидетельствовало о том, что это очередная акция анархистов, а вот кто стоял за ограблением почтового отделения в самом центре столицы, было доподлинно неизвестно. Главный инспектор Ле Брен возлагал ответственность на подпольную ячейку социалистов, но газетчики не оставили от этой версии и камня на камне, припомнив главе полиции метрополии аналогичные заявления по поводу недавнего налета на отделение «Вестминстерского банка» и нескольких других наделавших много шума грабежей, также оставшихся нераскрытыми.

Весь первый лист «Атлантического телеграфа» традиционно занимали мировые новости, но пограничные стычки в колониальной Африке и напряженность в Иудейском море не заинтересовали меня, в отличие от репортажа о разгоне шабаша в столичных катакомбах. Спецотдел Ньютон-Маркта сообщил о ликвидации трех малефиков и задержании еще пятерых. Большинство из них находились в розыске по обвинениям в антинаучной деятельности, наведении порчи, мошенничестве и даже убийстве.

«Вестник империи» сообщал о планах императрицы Анны посетить церемонию открытия восстановленного лектория «Всеблагое электричества» и устами приглашенных экспертов выражал осторожные сомнения в целесообразности данного шага. Механисты уже провели несколько стихийных митингов и собирались протестовать дальше, даже несмотря на совместный призыв Теслы и Эдисона сохранять спокойствие. Отдельные горячие головы и вовсе поспешили обвинить иерархов общества в предательстве научных идеалов.

Я осторожно пригубил горячего кофе и покачал головой. Еще совсем недавно Новый Вавилон был настоящим оплотом научного мира, но все изменилось с коронацией Анны. Императрица была сиятельной и, помимо доставшегося от рождения таланта, неким неведомым образом обрела воистину сверхъестественные способности; досужие языки даже болтали, будто ее величество стала ангелом. Но это было еще полбеды! Если раньше инфернальные твари, потусторонние создания и малефики держались от столицы как можно дальше, то теперь пришлось создавать специальное полицейское управление для борьбы с порождениями сверхъестественного. Росту политической стабильности это несколько не способствовало.

На улицу легла густая тень; я поднял взгляд и увидел, как над нами, едва не цепляя гондолой флюгеры, медленно плывет дирижабль с эмблемами полицейского управления. Послышалось приглушенное стрекотание порохового движка, и с соседней улочки на бульвар неспешно выкатился броневик. На нем никаких опознавательных знаков не было, но торчавший над пулеметной башенкой длинный металлический штырь наглядно свидетельствовал о принадлежности самоходного экипажа спецотделу Ньютон-Маркта.

По спине пробежались острые коготки электрических импульсов, в голове зазвучали призрачные голоса.

Едва не расплескав кофе, я очень медленно и осторожно поставил чашку на блюдце, закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Не помогло, голову продолжила колоть неприятная пульсация. Я уже ощущал нечто подобное раньше, но никогда – столь остро.

Укол. Порез. Порез. Укол.

Показалось, будто на моей душе выбивает сообщение точками и тире некий невидимый телеграф, накатила тошнота, и перед глазами все поплыло, но стоило лишь броневiku проехать мимо уличного кафе, и дурнота начала отступать.

А вот шагавший по тротуару благообразной наружности господин вдруг оступился и упал на четвереньки. Спина его странно изогнулась, послышался явственный хруст суставов и связок. Руки и ноги удлинлись, а колени вывернуло назад, странный уродец прыгнул на дорогу и противоестественно длинными скачками помчался прочь.

Водитель броневика ударил по тормозам, и сразу с басовитым гулом начал раскручиваться ствольный блок гатлинга. Но прежде чем пулеметчик открыл огонь, штык на карабине одного из констеблей ослепительно сверкнул, и с него сорвалась длинная искра электрического разряда. Сбитый с ног метким попаданием беглец забился в судорогах, и подоспевшие полицейские сноровисто заковали его в наручники и потащили к броневiku.

Когда задержанного проволокли мимо моего стола, удалось в деталях рассмотреть экипировку стражей порядка. Форменные плащи оказались обшиты алюминиевой фольгой, а серые кирасы и шлемы, такое впечатление, что изготовили из титана. Да, скорее всего, так оно и было: алюминий и титан считались «новыми» металлами; в чистом виде их научились полу-

чать совсем недавно, и это делало изделия из них непроницаемыми для большинства колдовских чар.

Сбежавшиеся поглазеть на задержание зеваки начали расходиться, но далеко никто уйти не успел: к площади подъехали громоздкие паровые грузовики, и высыпавшие из кузовов констебли перекрыли обе выходившие на нее улицы. Я суетиться не стал и спокойно завтракал, дожидаясь, пока сотрудники спецотдела проверят всех попавших в оцепление горожан.

Вскоре один из полицейских потребовал предъявить документы, и я протянул ему паспорт, а сам спокойно допил остатки кофе. Под шлемом констебля была закреплена сложная система окуляров, которая полностью закрывала левый глаз. Изучив паспорт, полицейский пристально уставился на меня и прикоснулся к виску. Послышался тихий скрип, с которым шестеренки вращали линзы монокла. После секундной заминки констебль сделал пометку в блокноте, вернул паспорт и перешел к следующему столу.

– Это все, мсье? – спросил я.

– Да, можете идти, – откликнулся полицейский.

Я вытер пальцы салфеткой, оставил на столе франк с мелочью и вышел за полицейское оцепление. Газеты выкинул в первую попавшуюся по пути урну. На сегодня новостей с меня было достаточно.

2

Минут через пять я вышел к ветке паровика, но когда оглянулся на стук железных колес, то лишь досадливо выругался и продолжил шагать по тротуару. Вместо чадающего монстра меня нагонял монстр электрический. Заднюю часть самоходной конки с надписью: «Депре» занимал огромный железный ящик электрической банки.

По спине побежали мурашки. Пусть электричество и отвоевывало все новые и новые области применения, я его не любил и не принимал.

Не видящий дальше собственного носа ретроград?

Вовсе нет!

Я ничего не имел против прогресса и всех этих делающих нашу жизнь проще новомодных веяний, но вот к электричеству относился с настороженностью и опаской. Сам даже не знаю почему...

Впрочем, и хорошо, что решил пройтись пешком. Очень скоро на стене дома мелькнула вывеска: «Сават», и я замедлил шаг.

Сават – это французский бокс, а я француз, так почему бы и нет?

Помимо савата, как явствовало из рекламных надписей, в спортивном зале обучали классическому боксу и джиу-джитсу. Я немного поколебался, потом обогнул театральную тумбу с разноцветными афишами и по узенькой лесенке спустился в полуподвальное помещение, а вскоре уже переодевался в трико и майку. Затем выбрал подходящие по размеру боксерки на плоской жесткой подошве, зашнуровал их и вышел в зал.

Там оказалось немногочленно, лишь доносились отзвуки глухих ударов из дальнего угла. Но было бы странно застать тут аншлаг в первой половине понедельника.

Невысокий подтянутый блондин в гимнастическом трико подошел минут через пять, окинул меня оценивающим взглядом и протянул не слишком пухлые защитные перчатки.

– Жан-Пьер, – представился я, натягивая их.

– Леон, – сообщил в ответ свое имя тренер и спросил: – Что ты знаешь о савате?

– Кое-что, – неопределенно пожал я плечами. – Просто немного натаскайте меня. Для общего развития.

– Это не бокс, – сразу предупредил Леон. – Основной упор идет на удары ногами. И бьют не только кулаками, но и основанием, и ребром ладони. Глаза, уши, сонная артерия. Это ясно?

Я кивнул.

– Тогда давай посмотрим, с чем тебя едят! – объявил тренер и вдруг ловко пнул меня по щиколотке.

Боксерка больно ударила по кости, от неожиданности я вскрикнул и заскакал на одной ноге.

– Ух!

– Не зевай! – потребовал Леон и поправил меня: – Руки ниже! Ниже, чем в боксе! Придется парировать удары ногами.

– Понял, – пробормотал я, копируя стойку наставника.

Тот попробовал повторить короткий быстрый тычок носком туфли, но на этот раз я был начеку и вовремя отступил. Отступил и едва не пропустил резкий мах ногой! Леон пнул в прыжке, но не слишком сильно, у меня получилось скрутить корпус в сторону и поставить блок.

И сразу – хук в голову!

Угоди перчатка по уху, я уселся бы на пятую точку, но, к счастью, успел закрыть голову предплечьями и ушел в глухую оборону, а потом изловчился разорвать дистанцию резким скачком назад.

Сердце лихорадочно забилося, я замахнулся и нарвался на встречный пинок. Жесткая подошла угодила в бедро, враз оборвав наступательный порыв, и Леон двинул меня рукой в лицо. В самый последний миг я отмахнулся и одновременно дернул голову в сторону; перчатка лишь скользнула по скуле.

– Неплохо! – похвалил тренер и немедленно двинул меня в колено.

Я принял удар на голень, а предплечьем блокировал прямой в голову и сразу попытался контратаковать сам, но Леон резво отступил и пнул меня на полушаге назад. Голень так и взорвалась болью!

Пришлось податься назад, выгадывая время, а тренер неуловимым подскоком оказался рядом и сделал круговой мах, метя ступней в голову. Не став блокировать удар, я просто присел и вновь отступил.

Леон попытался врезать мне по шее, но тут уже я встретил потерявшего осторожность инструктора пинком в щиколотку, пихнул перчаткой под ребра и сразу ткнул локтем в подбородок. Удары вышли не слишком сильными, тренер лишь покачнулся. От выброшенной навстречу ноги мне удалось уклониться без всякого труда, в развороте я провел финт левой и что было сил врезал правой. Открытая ладонь со всего маху угодила по уху, и Леон поплыл.

Я бросился развивать успех, да только ноги вдруг взлетели выше головы, а жесткий удар спиной об пол выбил из легких весь воздух.

Какое-то время я лежал, восстанавливая дыхание, потом приподнялся на локтях и спросил:

– Это ведь был не сават?

– Джиу-джитсу, – ответил Леон и протянул руку, помогая подняться. – Ты слишком хорош для новичка.

Я принял помощь, начал стягивать перчатки и усмехнулся:

– Насколько хорошо?

– Лучше, чем это нужно для саморазвития, – прямо ответил Леон. – Извини, тренировать тебя не возьмусь. Стилль грязный, годится лишь для уличных драк.

Я кивнул, принимая услышанное к сведению.

– Подберешь партнеров для тренировок?

– В любое удобное время.

– А джиу-джитсу?

– Только в следующем месяце. Пришлось набрать женские группы.

– Ах да! – рассмеялся я. – Сильвия Панкхерст!

Лидер британских суфражисток призывала соратниц изучать джиу-джитсу для грядущих столкновений с полицией и тем самым сделала этому экзотическому единоборству неплохую рекламу.

Я попрощался с тренером и ушел в раздевалку. На лодыжках обнаружились багровые кровоподтеки, на скуле темнела ссадина. Но не беда, для образа это просто идеальный штришок.

Морщась от боли в потянутых мышцах, я переоделся и начал приводить в порядок укладку, не жалея при этом помады для волос. Потом договорился с администратором о следующем визите и поднялся на улицу. Дальше шагал уже отнюдь не столь легкой походкой, как раньше. Бросок Леона бесследно не прошел, спину ощутимо ломило.

Пока без всякой спешки ковылял по тротуару, в голове крутились слова тренера.

Уличный задира? Очень интересно...

На перекрестке у проспекта Менделеева я купил в палатке стакан газированной воды без сиропа, осушил его одним махом и попросил налить еще. Пить хотелось просто невероятно.

Мимо прошла лоточница с папиросами; в обмен на пять сантимов я взял сигарету из коробки с надписью: «Толстой», которую здесь же и прикурил. Но нет – никакого удовольствия не испытал, лишь продрало едким дымом глотку. Раз затянулся и сразу выкинул окуроч в урну.

Не зря, выходит, Пьетро табак на дух не выносил. Не мое.

Я окинул пристальным взглядом запруженный самоходными колясками и конными экипажами проспект Менделеева, вздохнул и зашел в книжную лавку. Там приобрел блокнот, пару карандашей и миниатюрный, с лезвием не длиннее мизинца, складной перочинный ножик.

На ходу затачивая один из карандашей, двинулся вдоль дороги, но почти сразу остановился, привлеченный вывеской оружейного магазина «Арес».

Оружие? Оружие!

Почему бы и не приобрести карманный браунинг или «бульдог»? В конце концов, не окажись вчера у оглушенного констебля при себе револьвера, сыщики запросто понаделали бы во мне дырок!

Я поднялся на крыльцо и распахнул звякнувшую колокольчиком входную дверь. Магазин оказался невелик, на стенах были развешены винтовки и гладкоствольные ружья, под стеклами витрин лежали пистолеты и револьверы. Один из прилавков полностью занимало холодное оружие. Там сверкали сталью ножи, трости со скрытыми клинками или титановыми набалдашниками, кастеты, кортики и даже сабли.

Невысокий приказчик с тщательно подстриженной окладистой бородой оторвался от газеты и улыбнулся.

– Чем могу служить, милсдарь?

– Мне бы пистолет, – объявил я. – Карманный.

Продавец без малейших колебаний выложил на прилавок небольшой плоский пистолет с тремя вертикально-расположенными стволами. Точнее, без стволов вовсе – в съемной кассете были закреплены длинные гильзы.

– «Цербер»! Хит продаж! Разлетается, как горячие пирожки! Оптимальные габариты и быстрая перезарядка. Патентованная система Теслы по электрическому воспламенению пороховых зарядов не позволит заблокировать оружие малефикам и адским отродьям! – Приказчик с довольным видом улыбнулся и заявил: – Электричество сильнее магии!

И это было действительно так, но я электричеству не доверял.

Заметив скользнувшую по моему лицу тень сомнения, продавец пожал плечами и достал пистолет куда более массивный, с блоком на шесть стволов.

– Или вот «Гидра»...

– Нет, – покачал я головой. – Мне что-нибудь более традиционное.

– Но по нынешним временам электрическое воспламенение...

– Благодарю, не стоит!

Приказчик поскущел.

– Браунинг? – пробормотал бородач. Идея продать нечто столь банальное привела его в глубочайшее уныние. – Даже не знаю, что есть в продаже с титановым кожухом затвора... – Но он тут же оживился. – О! Вот посмотрите, модель этого года от фабрики «Зауэр и сын»!

Пистолет оказался небольшим и практически потерялся в моей ладони.

– Тридцать второй калибр, магазин вместимостью семь патронов, – пояснил приказчик. – Разбирается элементарно – достаточно просто скрутить заглушку кожуха затвора и сдвинуть его вперед.

Надавив на защелку, я вынул магазин, повертел в руках и втолкнул его обратно в рукоять.

– Сколько?

– Сорок пять франков.

Я поморщился, но все же достал бумажник.

– И пачку патронов, пожалуйста.

– Настоятельно рекомендую пули с алюминиевой оболочкой, – предложил приказчик.

Против алюминия я никакого предубеждения не испытывал, поэтому кивнул.

– Давайте. И еще дополнительный магазин.

Продавец защелкал костяшками счетов, но сразу отвлекся, стоило только мне обратить внимание на прилавки с холодным оружием.

– Желаете приобрести нож? Есть складные модели с титановым клинком! Испанские навахи, итальянские стилеты...

Столь откровенное желание бородача сбыть хоть что-нибудь из своих запасов покорило и заставило покачать головой.

– Нет, не нужно, – отказался я, но сразу передумал, выбрал серовато-серебристый кастет с удобным упором для ладони и надписью: «Боксер» и передал его продавцу.

– Посчитайте.

– Алюминиевый? Отличный выбор! – Приказчик просто просиял, сдвинул еще две костяшки счетов и объявил: – С вас пятьдесят восемь франков!

Я отчитал пять красных десятков с портретом Леонардо да Винчи и добавил к ним синюю пятерку с Александром Вольтой, а недостающие три франка набрал мелочью.

Денег после этого в бумажнике почти не осталось.

– Пистолет уже очищен от заводской смазки, – предупредил продавец, выкладывая на прилавки коробку патронов и запасной магазин. – Никакой дополнительной обработки не требуется. – Он открыл толстенный грессбук и попросил: – Ваши документы, будьте любезны. По новым правилам, мы должны записывать покупателей огнестрельного оружия.

Я передал ему паспорт и снарядил магазин патронами, затем продиктовал адрес проживания и попутно зарядил второй. Пистолет прекрасно поместился в боковом кармане пиджака и особо его не оттопыривал. Если даже кто-то и обратит внимание, то подумает, скорее, о банальном портсигаре.

Распределив по карманам остальные покупки, я забрал паспорт, распрощался с приказчиком и покинул магазин. С высокого крыльца улица просматривалась на два или три квартала, но попутных паровиков видно не было.

Ловить извозчика не стал не столько из-за отсутствия лишних денег, сколько по той простой причине, что на перегруженной телегами и паровыми грузовиками дороге любой экипаж будет двигаться со скоростью пешехода.

Спешить было некуда; я уселся на лавочку в тени раскидистого платана, достал блокнот и начал по памяти зарисовывать нагрянувших в клуб полицейских. Точнее – попытался зарисовать. Карандаш в пальцах лежал совершенно непривычным образом, и линии получались короткими, резкими и отрывистыми.

Я в раздражении вырвал лист и выкинул его в мусорную урну. Затем повторил набросок на следующем, но в итоге вырвал и его. Что-то было не так, что-то мешало.

Закусив кончик карандаша, я пару минут обдумывал ситуацию, потом потряхнул кистью и вновь принялся рисовать. Но на этот раз уже не копировал манеру Пьетро Моретти, а просто кидал штришок к штришку, и очень скоро в блокноте возник портрет детектива-констебля, отправленного в нокаут перед кабинетом Софи.

И все бы ничего, да только рисунок оказался выполнен едва ли не с фотографической точностью, и назвать это искусством не поворачивался язык. Но для кулачного бойца получилось очень даже неплохо...

3

Когда послышался пронзительный гудок паровика, я закрыл блокнот и сунул его во внутренний карман пиджака, затем поднялся со скамейки и решительно шагнул на проезжую часть. Пропустил размеренно чихавшую пороховым движком самоходную коляску, проскочил перед медлительным паровым грузовиком и едва не угодил под копыта пары белых, в яблоках лошадей. Сидевший на козлах открытого экипажа извозчик покрыл меня матом; я ответил ему тем же и запрыгнул на заднюю площадку катившего по рельсам паровика.

Кондуктор в темно-синей униформе, кожаный ремень которой оттягивала кобура с табельной «Гидрой», принял у меня плату за проезд и предложил пройти от дверей вглубь вагона. Я так и сделал, ухватился за поручень и покатил в клуб.

Клуб «Сирена» занимал просторный трехэтажный особняк на пересечении Ньютон-страат и переулка Гюйгенса, в квартале от набережной канала Меритана. Район этот к фешенебельным было не отнести, но заглядывать сюда респектабельная публика нисколько не опасалась даже вечерами. Благодаря близости Ньютон-Маркта на улицах было спокойно и днем и ночью, да и большинство посетителей по окончании представлений разъезжалось домой на извозчиках.

Когда паровик вывернул на площадь Ома, я спрыгнул на брусчатку и, оставив полицейское управление за спиной, зашагал по Ньютонстраат. Прошел пару кварталов и оказался у перекрестка, на противоположной стороне которого возвышался дом с вывеской *De la Sirene*. С размещенной у входа афиши прохожим улыбалась нарисованная мною Ольга Орлова, и сразу неуютным ознобом накатила неуверенность. Показалось вдруг, будто вот-вот послышится требовательный свист, набегут полицейские, скрутят и уволочут в участок. Но не набежали и не уволочили, конечно же нет. Постовой на перекрестке с беспечным видом продолжил крутить в руках дубинку и в мою сторону даже не взглянул.

Я с облегчением перевел дух и зашел в пиццерию. За прилавком стоял дородный хозяин закуской – Марио, его черные усы задорно топорщились в стороны, будто стрелки на циферблате часов.

Пьетро Моретти непременно поздоровался бы с соотечественником и пропустил с ним стаканчик кьянти или рюмочку граппы, я же молча прошел к установленной в углу кабинке с телефонным аппаратом и прикрыл за собой дверцу. Позвонил по прямому номеру в кабинет Софи, а когда та ответила на вызов, представился:

– Это Жан-Пьер...

– Где тебя черти носят? – прошипела кузина. – Ты мне нужен! Прямо сейчас!

– Буду через пару минут.

– Только воспользуйся черным ходом! – предупредила Софи и повесила трубку.

Я вытащил из кармана пистолет и дослал патрон, сунул «Зауэр» обратно и лишь после этого покинул телефонную будку. Мимоходом кивнул владельцу заведения и вышел на улицу, а там огляделся по сторонам куда внимательней, чем прежде.

Перекресток, на котором стоял трехэтажный каменный особняк клуба, был не самым оживленным; дальше Ньютонстраат упиралась в канал, поэтому телеги и самоходные коляски заворачивали сюда не слишком часто, а извозчики подъезжали уже ближе к вечеру. Пока что большинство магазинов в окрестных домах еще не открылось, да и закусочные работали далеко не все. Где-то мыли витрины, где-то лишь поднимали жалюзи.

Прохожих на улице оказалось совсем немного, все они спешили по своим делам, на одном месте торчал только постовой. Еще неподалеку маячил продавец газет, но он маячил тут каждый день. Как и дворник, что заканчивал подметать тротуар.

Я шагнул на дорогу и в этот момент к особняку подъехал открытый экипаж, на заднем сиденье которого вольготно расположились два прекрасно известных мне персонажа: Большой Джузеппе и его подручный Эннио по прозвищу Малыш. Впрочем, «малышом» тот мог показаться лишь на фоне своего грузного и кряжистого спутника, а на деле не уступал мне ни ростом, ни шириной плеч.

Джузеппе и Эннио были бандитами и верховодили в шайке сицилийцев, промышлявшей вымогательством, контрабандой и торговлей наркотиками. Муж Софи вел с ними какие-то дела, а вот сама она их на дух не переносила. И никогда на моей памяти с ними не работала.

Так какого черта?! Что изменилось теперь?

Перебежав через проезжую часть, я повернул за угол, дошел до узкого прохода между домами и юркнул в него. Там сразу сорвался на бег и очень скоро очутился у крыльца черного хода. Дальше начинались огороженный высоким забором задний двор клуба и подворотня соседнего жилого дома.

Взлетев по ступенькам, я лихорадочно заколотил молоточком, и дверь сразу распахнулась, но ее проем оказался полностью перегорожен массивной фигурой вышибалы. Бритая наголо голова громилы блестела от восковой мази, под сплюснутым носом чернели щеголевато закрученные усы, а грудная клетка больше напоминала бочонок; пиджак легонько потрескивал при каждом движении охранника. Некогда он выступал цирковым борцом, да и сейчас формы не растерял, выглядел мощным и грозным.

– Жан-Пьер? – поглядел на меня вышибала с нескрываемым сомнением.

– Он самый, – улыбнулся я. – Ты Лука, да? Кузина предупредила обо мне?

Громила посторонился и объявил:

– Проходи.

– Она в кабинете? – уточнил я, шагнув за порог.

– Я провожу.

Лука задвинул засов и повел меня через служебные помещения.

В клубе уже вовсю шла подготовка к вечернему представлению, бегали с охапками разноцветных нарядов костюмеры, возились с щетками полотеры. Дверь общей гримерной оказалась распахнута настежь, и я успел бросить взгляд на прихорашивавшихся там красоток из кордебалета.

– Да тут настоящий малинник! – рассмеялся я, но Лука никак на это замечание не отреагировал. Его бесстрастное лицо казалось вырубленным из куска гранита.

У кабинета владелицы клуба уже пританцовывал от нетерпения жилистый и смуглый Гаспар по прозвищу Матадор – невысокий испанец, быстрый словно мангуст. При нашем появлении он сунул в карман немалых размеров наваху, которой играл до того, и прошипел:

– Лука, где вас черти носят?! Они давно внутри!

– Ну вот, мы здесь, – пробасил громила.

Гаспар нервно рассмеялся, поправил высокий стоячий воротничок сорочки, из-под которого выглядывал краешек уродливого шрама, и вновь сунул руку в карман к любимой навахе.

– Не дергайся, Матадор! – попросил его Лука – и попросил вовсе неспроста. Гаспар и в самом деле был слегка... неуравновешенным. Некогда он участвовал в боях с быками, но одна-единственная ошибка положила конец карьере матадора, превратив расчетливого бойца в дерганого неврастеника.

– Давай же! – поторопил меня Матадор. – Чего ты ждешь?!

Я приложил к губам указательный палец, призывая его к молчанию, и прислушался, но из кабинета не доносилось ни звука. Тогда постучался и сразу толкнул дверь, не дожидаясь ответа.

– Кузина! – громогласно объявил я, шагнув в комнату, и замер на пороге. – О-о-о... У тебя гости?

– Заходи, Жан-Пьер! – поспешно пригласила меня Софи и незаметно для бандитов прикрыла верхний ящик рабочего стола.

Большой Джузеппе развалился в глубоком кресле, его подручный стоял у выходившего на улицу окна. Дорогие костюмы обоих были пошиты на заказ, заколки для галстуков и запонки сверкали благородным золотом. Так и не скажешь, что перед тобой головорезы, но взгляни в глаза – и не ошибешься, они самые.

На меня сицилийцы посмотрели мрачно и даже недобро. Предупреждая вопросы, Софи с улыбкой произнесла:

– Позвольте представить, мой кузен Жан-Пьер.

Большой Джузеппе задумчиво потер черневший бритой щетиной подбородок и нахмурился.

– Мы о делах говорим – нет? Не о твоей семье, правильно?

Софи беспечно рассмеялась.

– Продолжай, Джузеппе, прошу тебя. У меня нет секретов от кузена.

Я прикрыл за собой дверь и прислонился плечом к стене, не став проходить вглубь комнаты. Сицилиец взглянул на меня еще пристальней прежнего и усмехнулся.

– Вижу, ты поняла наконец, что клуб нуждается в твердой мужской руке?

Снисходительность головореза покорила меня, но я не стал возмущаться или высказывать недовольство и лишь широко улыбнулся.

– Нет, вовсе нет, – поправил я Джузеппе. – Просто присматриваю, чтобы здесь никто больше не умер. – И после едва заметной паузы добавил: – Случайно.

Эннио напрягся и отступил от окна, его лицо перекосила нехорошая ухмылка. А вот Большой Джузеппе лишь кивнул, принимая мои слова к сведению. Он закурил, кинул прогоревшую спичку на пол и перешел к делу.

– Ты вся в долгах, дорогуша, – прямо заявил сицилиец. – Клуб прогорает. Я предлагаю выход.

Софи поморщилась.

– Торговать наркотиками? Нет, это не для меня.

– Наркотиками? – возмутился Джузеппе. – Это просто кокаин! Он белый как снег и такой же безобидный! Половина твоих завсегдатаев будет просто счастлива разнообразить им свою скучную никчемную жизнь!

– Нет, – твердо ответила Софи и скрестила руки, давая понять, что разговор окончен.

Сицилиец подался вперед, и кресло жалобно скрипнуло под его весом.

– Готова лишиться клуба из-за своей принципиальности? – спросил бандит. – Вылетишь из бизнеса – и ты никто! О тебе не вспомнят уже на следующий день после закрытия «Сирены»!

– Не все так плохо, как это видится со стороны.

Джузеппе развел руками и поднялся на ноги.

– Советую прислушаться к голосу разума. Время еще есть. Немного, но есть, – заявил он напоследок и направился к выходу, явно намереваясь оттереть меня в сторону плечом, но я вовремя посторонился и распахнул дверь. Большой Джузеппе кинул на меня недобрый взгляд исподлобья и вышел в коридор. Подручный молча последовал за ним.

Насколько знаю эту публику, сильнее давить на Софи сицилийцы не стали только из-за моего присутствия. Пока что я был для них темной лошадкой, но они еще вернутся со своим предложением, и вернутся скорее рано, чем поздно.

Выглянув в коридор, я кивком отправил вышибал проводить незваных гостей, а сам вернулся в кабинет и прикрыл за собой дверь.

– И что это было? – поинтересовался после этого у кухни.

– Ты же слышал! – всплеснула та руками. – Хотят втравить нас в свои грязные делишки. Я хмыкнул.

– Это они подослали к тебе легавых?

– Что? – удивилась Софи. – Нет! Конечно же нет! Будь у Джузеппе выход на Ньютон-Маркт, он бы вел себя совсем иначе! Просто решил воспользоваться ситуацией. Эта сволочь не упустит возможности половить рыбку в мутной воде!

Я кивнул и прошелся по кабинету, разглядывая обстановку. Письменный стол, напротив – пара удобных кресел, камин с бронзовыми часами на полке, диванчик у стены, занавешенные плотным тюлем окна, из которых просматривался весь перекресток.

Сбоку от камина висел портрет графа Гетти – мужа Софи. Он был той еще сволочью, и я – а точнее конечно же Пьетро! – не раз и не два предлагал повесить на это место одну из собственных работ, но Софи всякий раз отвечала отказом. А просто снять портрет не было никакой возможности, поскольку за ним скрывалась дверца вмурованного в стену сейфа.

– Что-то не так? – присмотрелась ко мне хозяйка кабинета.

Я уселся в кресло и забарабанил пальцами по полированным подлокотникам.

– Если не Джузеппе прислал легавых, тогда кто? Что им было нужно?

– Да какое это сейчас имеет значение?

– В следующий раз меня может не быть рядом. Ты точно хочешь вновь оказаться с задранной юбкой?

Софи слегка покраснела, скорее не от смущения, а от злости, и положила руку на грудь, словно пыталась отгородиться от неприятного воспоминания. Сегодня она надела скромное серое платье без декольте, но его покрой лишь подчеркивал стройную фигуру.

– Софи! – повторил я.

– Такого больше не повторится! – ответила кухня после явственной заминки.

– Почему нет?

– Им просто были нужны деньги.

– В самом деле? Что за вздор?! Всем известно, что ты на мели!

Софи отошла к буфету и налила себе шерри.

– Будешь? – предложила она и мне.

– Нет, – отказался я. – Так чего они хотели от тебя? Что точно сказали?

Софи отпила шерри и отрешенно посмотрела в окно.

– Они потребовали открыть сейф, – сообщила кухня после долгой паузы.

Я обернулся, и Марко Гетти посмотрел на меня с портрета с нескрываемой укоризной. У него были на то причины.

– Сейф?

– Да, сейф.

Я поднялся на ноги, взял Софи за руку и развернул к себе.

– Так почему ты его просто не открыла? Никаких денег там и в помине нет, мне ли не знать!

Кузина высвободилась и попросила:

– Не дави на меня, Жан-Пьер!

Но я поступил ровно наоборот.

– Почему ты не отперла сейф, прежде чем тебя разложили на столе?

– Все случилось слишком быстро!

– Вздор!

– Это не твое дело!

Я указал на пол.

– Два трупа, Софи! На моих руках – двадохлых флика! Я должен знать, что происходит!

Кузина выпила остатки шерри и вновь отвернулась к окну.

– Нельзя было открывать сейф. Просто нельзя.

Я подступил к ней со спины и обнял за плечи.

– Почему? Что там хранилось такого страшного?

– Фотографии.

– Какие фотографии, Софи?

– Из кабинетов третьего этажа.

Хозяйка клуба резким движением высвободилась, отошла к бару и вновь налила в стакан шерри, на этот раз – куда больше прежнего.

– Не будем об этом! – потребовала она.

Я опустил в кресло и стиснул пальцами подбородок.

На первом этаже особняка были обустроены концертный зал и буфет, на втором проводились приемы для привилегированной публики, а на третий могли попасть лишь немногие избранные, их гости да еще время от времени – девицы из кордебалета. Никаких денег, никакого принуждения. Господам хотелось развлечений, танцовщицы нуждались в знакомствах и богатых покровителях. Так было заведено еще графом Гетти, и у Софи не имелось возможности поменять устоявшийся порядок вещей. Не все зависело только от нее.

– Ты кого-нибудь шантажировала? – пришел я к самому логичному в этой ситуации выводу. Общественная мораль подобного времяпрепровождения категорически не одобряла, а завсегдатаи третьего этажа были один известней другого. Кому-то огласка сломала бы карьеру, кому-то – разрушила брак. Богатые готовы дорого заплатить за спокойствие, но стоит перегнуть палку – и жди беды.

– Шантаж?! – Софи обожгла меня возмущенным взглядом. – За кого ты меня принимаешь?

– А кто еще мог прислать полицейских?

– Я ни у кого не вымогала денег! Это же чистой воды безумие! Все равно что собственноручно подписать себе смертный приговор!

– Тогда зачем тебе снимки?

– Для страховки! Ты знаешь, что это за люди! Ты знаешь, на что они способны!

Я знал. Но еще я знал о плачевном состоянии финансов клуба и потому недоверчиво покачал головой.

– Не тебе ставить под сомнение мои слова, Жан-Пьер! – заявила тогда Софи, и в ее голосе зазвенел металл. – Реши я заняться вымогательством, ты бы узнал об этом первым! Кто бы еще помогал мне с этим, если не ты?

Я принял этот аргумент и вздохнул.

– Прости.

– Выпей вина и успокойся.

Но нет, успокаиваться я не собирался.

– Кто делал снимки? Быть может, это фотограф навел полицейских?

– Фотографии остались от Марко, снимал он сам. Никто о них не знает. Это просто совпадение!

Я лишь поморщился, потом склонил голову набок и задумчиво произнес:

– Снимки... Да, кстати! А мои снимки? Ты сохранила их?

– Ох, Жан-Пьер, к чему ворошить прошлое?

– Так сохранила или нет?

– Они абсолютно бесполезны! Лица разобрать невозможно! Никто не сможет тебя опознать!

– Я хочу их видеть! – решительно объявил я, поднимаясь из кресла.

– Сегодня мне будет не до этого.

– А завтра?

– Хорошо, ты их получишь, – сдалась кузина, уселась за стол и вытащила из ящика толстенный гроссбух. – Товар привезут ночью, – предупредила она меня после этого. – Договорись со всеми заранее.

– Договорюсь, – пообещал я.

Софи кинула на стол две пачки десятифранковых банкнот, добавила еще пару сотен сверху и попросила:

– Распишись!

Макнув стальное перо в чернильницу, я поставил в нужной графе неразборчивую закорючку. Две тысячи франков выделялись на покупку строительных материалов для ремонта здания. Эта сумма выбивала в бюджете клуба немалых размеров брешь, но, если все пойдет по плану, очень скоро деньги вернутся сторицей и Софи покажет их в балансе, приплюсовав к выручке от продажи билетов. Придется заплатить налоги, зато ни у кого не возникнет вопросов, откуда взялись средства на погашение очередного платежа по закладной.

– Держи, – протянула мне кузина связку ключей и попросила: – Осторожней там, хорошо?

– Думаешь, сицилийцы что-то пронюхали?

– От них всего стоит ожидать, – сказала Софи, открыла верхний ящик стола и переложила из него в дамскую сумочку дуствольный дерринджер двадцать пятого калибра.

– Это точно, – со вздохом признал я, убирая ключи в карман.

– Все, мне пора бежать! – объявила кузина. – Надо еще сделать прическу и маникюр. Ты понадобишься мне на приеме, никуда не пропадай.

– Хорошо.

Софи шагнула из-за стола, но вдруг замерла на месте.

– Да! – как-то очень неуверенно произнесла она. – В четыре часа придет один человек, будет расспрашивать о вчерашнем происшествии. С тобой он тоже поговорит.

– Зачем это? – насторожился я.

– Маркиз Арлин весьма обеспокоен полицейским произволом, он поручил заняться этим одному своему хорошему знакомому из Третьего департамента Ньютон-Маркта.

Маркиз Арлин был одним из самых известных посетителей «Сирены». В качестве председателя императорской комиссии по промышленности маркиз пользовался влиянием ничуть не меньшим, чем иные члены кабинета министров, и стремление проверить, не копают ли под него политические оппоненты, представлялось мне в сложившейся ситуации вполне логичным. Кроме того, насколько я понял из обмолвок Софи, некоторое время назад маркиз неофициально вложил в клуб немалую сумму, чем помог ему удержаться на плаву. Не считаться с этим обстоятельством было нельзя.

– Кого Арлин попросил об одолжении? – уточнил я.

– Некого инспектора Морана.

– Так делу дали официальный ход?

Софи покачала головой.

– Нет, все неофициально. Главное, не сболтни лишнего.

– Как я могу? Меня здесь вчера еще не было.

– Отнесись к этому серьезней! Моран из Третьего департамента, он не мальчик на побегушках у маркиза, а действительно его хороший знакомый!

– Как раз их профиль, – хмыкнул я.

Третий департамент занимался не только контрразведкой, отловом малефиков и противодействием пропаганде религиозных фанатиков, но и выведением на чистую воду своих запятнавших честь мундира коллег.

Софи встала у зеркала, поправила черные локоны, огладила воротник платья.

– Два года назад Бастиан Моран на несколько дней возглавил Ньютон-Маркт. Стефан Фальер, тогдашний министр юстиции, назначил его по прямому указанию герцога Логрина. Знаешь, чем все закончилось?

– Знаю, – подтвердил я.

Затеявший дворцовый переворот регент был испепелен императрицей, а министр юстиции не стал дожидаться суда и пустил себе пулю в лоб.

– Моран вышел сухим из воды, – сообщила Софи. – Его просто не утвердили в должности и понизили до инспектора, но не уволили и не сослали в провинцию. Весьма изворотливый деятель, надо полагать. Осторожней с ним.

– Да уж постараюсь, – пообещал я, вслед за кухней вышел в коридор и указал охранникам: – Глаз с нее не спускайте.

Лука и Гаспар синхронно кивнули и потопали вслед за хозяйкой.

Я же запер кабинет, сунул полученное от Софи кольцо с ключами в карман и отправился на обход клуба, благо до вечернего представления времени оставалось с избытком.

4

В фойе клуба дежурил Антонио. Высокий светловолосый красавчик с голубыми глазами и ямочкой на подбородке пользовался неизменным успехом у танцовщиц из кордебалета и слыл записным сердцеедом, но с гостями себе никогда лишнего не позволял, был безупречно предупредительным, и не более того. Как-то раз Софи упомянула, что охранника вышибли из армии за интрижку с женой командира, и он дал себе зарок не повторять прежних ошибок.

Когда я подошел, Антонио посмотрел на меня с нескрываемым сомнением и язвительно поинтересовался:

– Говорят, теперь ты здесь главный?

– Если речь идет о главном мальчике на побегушках, то да, так оно и есть, – рассмеялся я в ответ.

– Хозяйка никогда о тебе не говорила.

– У нас не те отношения с кухней, чтобы отправлять друг другу открытки на именины, – пожал я плечами. – Ты здесь один?

– Жиль курит на улице.

Жилем звали неприметного коротышку с крупным носом и вечно сонными глазами. Он мало говорил и казался не слишком сообразительным, но, когда охранники собирались за карточным столом, легко обчищал всех остальных. Чем коротышка занимался до того, как устроился в «Сирену» вышибалой, никто толком не знал; на работу его принимал еще граф Гетти.

Антонио отвернулся к зеркалу, достал расческу и спросил:

– Сицилийцы настроены серьезно?

– Не думаю, – покачал я головой. – Но с ними никогда наперед ничего нельзя сказать, поэтому держи ухо востро. Премьера должна пройти без сучка без задоринки.

Охранник кивнул, давая понять, что принял мое предупреждение всерьез.

– И да – сегодня ночью забираем товар, – сообщил я. – Собираемся после закрытия.

– Ого! Так ты в деле? – удивился красавчик.

– В деле. И что с того?

– Ничего, просто... странно это, – пожал Антонио плечами. – Появился из ниоткуда и вот уже знаешь все и обо всех. – Он покачал головой и повторил: – Странно.

– Может, кухня никогда и не говорила обо мне, – ответил я с обезоруживающей улыбкой, – но она мне доверяет. Это главное. Ясно?

– Ясно. А что с Моретти? Говорят, он уколошил двух полицейских и подался в бега?

– Пьетро – большой мальчик и способен сам о себе позаботиться.

Я хлопнул вышибалу по плечу и прошелся по фойе. Дальнюю стену занимало изображение лесной поляны с кружащими в танце обнаженными нимфами. Неподготовленному зрителю подобная картина могла показаться излишне фривольной, но от нападок моралистов ее спасал античный сюжет. Грань между приличным и неприличным в нашем обществе удивительно... тонка.

Не задерживаясь у картины, я свернул в боковой коридор и отправился на кухню. Пьетро предпочитал питаться в окрестных закусочных, но мне, как родственнику хозяйки, скромничать было не с руки. Не обращая внимания на неодобрительный взгляд шеф-повара, я снял пробу с готовящегося для вечернего приема угощения и выставил вверх большой палец. Шеф похвалы не оценил и велел убираться с кухни немедленно.

– Спокойствие, папаша! – улыбнулся я в ответ. – Только спокойствие!

Дядечка в белом халате и высоком поварском колпаке задохнулся от возмущения, чем я и поспешил воспользоваться. Откромсал пару кусков от копченого окорока, взял булку свежего хлеба и юркнул за дверь, не забыв ухватить по дороге уже откупоренную бутылку красного вина, которое явно намеревались использовать для приготовления соуса.

В клубе я оставаться не стал, отпер полученными от Софи ключами дверь на чердак и выбрался через слуховое окошко на крышу. Там устроился рядом с печной трубой, разложил еду на газете и принялся без спешки обедать, попутно разглядывая раскинувшийся во все стороны город.

Дул несильный ветер, в затянутом серой дымкой и облаками небе медленно дрейфовали дирижабли. Над Старым городом летательных аппаратов было непривычно много: там, постепенно прирастая этажами, тянулся ввысь императорский дворец.

Острословы уже успели окрестить это строение Новой Вавилонской башней, но лично я не видел в желании ее величества стать немного ближе к небу ровным счетом ничего предосудительного. И сам не без греха, что уж там говорить...

Запрокинув голову, я приложился к бутылке и сделал долгий глоток вина, потом достал карандаш и блокнот. Но зарисовал не окрестные виды, а навестивших клуб сицилийцев. Лица, очертания фигур, движения.

Просто так, на всякий случай. Вдруг на что сгодится...

Спустился я с крыши, когда уже начало вечереть. Прошелся по клубу, наблюдая за приготовлениями к представлению, проверил, как обстоят дела у охраны, потом заглянул в общую гримерную. Танцовщицы накладывали макияж и только-только начинали переодеваться в сценические наряды, большинство девушек пока еще расхаживали в коротеньких халатах, а некоторые и вовсе ограничились лишь кружевными панталонами.

Одна такая полуголая красотка стояла у самого входа; я не удержался и шлепнул ладонью ей чуть ниже спины. Девушка взвизгнула, застигнутые врасплох танцовщицы закрылись руками и полотенцами, загомонили, требуя убираться прочь.

– Привет-привет! – беспечно улыбнулся я, но на всякий случай все же отступил к двери. – Я Жан-Пьер, кузен госпожи Робер!

Крики смолкли, в глазах девушек появился интерес. Кто-то как бы невзначай принял соблазнительную позу, кто-то позволил слегка соскользнуть полотенцу и распахнуться халатику. Одна рыжая чертовка после моих слов и вовсе стала не столько закрывать ладонями груди, сколько приподнимать их, выставляя напоказ.

Я сделал вид, будто ничего не заметил, и объявил:

– Кузина попросила присмотреть в клубе за порядком, поэтому если у кого-то вдруг возникнут проблемы, например, начнет приставать излишне ретивый ухажер, не скромничайте и сразу зовите меня. Помогу, чем смогу.

– Будешь провожать домой? – поинтересовалась рыжая кокетка.

– И даже в кровать уложу, если понадобится, – с усмешкой подтвердил я. – Главное, не тяните! Всем все ясно?

Я дождался утвердительных кивков, вышел в коридор и наткнулся там на Гаспара.

– Жан-Пьер! – окликнул меня испанец. – Пришел какой-то странный тип, госпожа Робер просит тебя им заняться.

– Кто такой?

– Какой-то Моран. Никогда его раньше не видел.

– А! – сообразил я, о ком идет речь. – Где ты его оставил?

– В холле.

– Идем!

К этому времени уже начали подходить первые зрители. Антонио и Жиль сверялись со списками и запускали их внутрь. Сегодня была закрытая премьера, и случайных людей в клубе не ожидалось, но полицейский на фоне избранной публики несколько не выделялся.

– Вон, у зеркала, – подсказал Гаспар.

Инспектор Моран оказался худощавым господином средних лет в отлично пошитом вечернем костюме; в петлице пиджака алела гвоздика, из нагрудного кармана выглядывал аккуратный треугольник белого платка. Аристократическое лицо сыщика было худым и бледным, с высокими, круто заломленными бровями, прямым носом и тонкими бледными губами. Напoмаженные волосы он зачесал назад.

Я подошел и радушно улыбнулся:

– Мсье Моран?

Инспектор несколько не походил на полицейского, а скорее напоминал театрального критика или даже бездельника из театральной богемы, но стоило ему только повернуться ко мне, и от пристального взгляда колючих серых глаз враз сделалось не по себе.

– С кем имею честь? – поинтересовался Моран, и поинтересовался, надо сказать, весьма холодно, но я и не подумал разыгрывать смущение.

– Я Жан-Пьер, кузен мадам Робер. Она попросила вам здесь все показать.

Инспектор взял со столика кожаную папку и попросил:

– Проводите меня в кабинет госпожи Робер.

– Ее сейчас нет...

– Не важно! – отрезал Моран и уже несколько мягче добавил: – С ней я побеседую позже, а сейчас просто хочу осмотреть... место происшествия.

– Как скажете. Нам сюда...

Взмахом руки я отпустил наблюдавшего за нами со стороны Гаспара и провел сыщика к кабинету Софи. Отпирать его не понадобилось, Моран просто огляделся в коридоре и спросил:

– Это ближайший путь из зала?

– Так и есть.

– А где работал Пьетро Моретти? Не вчера, а вообще. Была у него постоянная студия?

– Это в другом крыле здания. Идемте.

Я повел инспектора по коридору, а тот вдруг хмыкнул.

– Вы разве здесь не первый день? Хорошо ориентируетесь в этом лабиринте.

– Успел пробежаться, – беспечно ответил я, отпирая нужную дверь. – Не собираюсь терять место из-за какой-нибудь дурацкой оплошности. Если разочарую кузину, она запросто выгонит меня взашей, несмотря на родство.

– И все же она доверяет вам...

– Вы о ключах, мсье? – Я потрянул кольцом. – Ну да, доверяет. Кровь не вода, знаете ли.

Инспектор прошел в мастерскую, а я остался стоять на пороге. Сыщик на миг замер посреди студии, потом откинул занавес с одного из полотен и задумчиво заломил крутую бровь.

– Что скажете?

Я подошел, взглянул на картину с тремя танцовщицами и пожал плечами.

– Ничего в этом не понимаю, но как по мне – ему повезло с натурщицами!

Моран снисходительно улыбнулся и начал осматривать незаконченные работы. Многие из них оказались выполнены в стиле абстракционизма, их черно-красно-оранжевыми тонами Пьетро пытался раскрыть тему огня. Другим его постоянным сюжетом выступали ночная река и черный, едва различимый дом на заднем плане, но хватало и обнаженной натуры. По правде, таких картин было больше всего.

– Госпожа Робер состояла в отношениях с Пьетро Моретти? – спросил сыщик некоторое время спустя.

– С чего вы взяли? – опешил я от неожиданности.

– На некоторых полотнах она изображена обнаженной, – пояснил свой интерес инспектор. – А кроме того, как еще безвестный художник мог оплачивать аренду мастерской?

– Об этом вам лучше спросить у кузины.

– Спрошу, – кивнул Моран. – Так где, говорите, я могу опросить персонал?

– Здесь?

– Не самое подходящее помещение.

Я на миг задумался, потом вспомнил о кабинете графа Гетти на втором этаже и попросил:

– Следуйте за мной.

Кабинет супруга Софи встретил нас полумраком. Сюда редко кто заглядывал, и окна закрывали плотные шторы. Их я первым делом и отдернул, запустив в просторную комнату лучи заходящего солнца. Пыль здесь протирали каждую неделю, поэтому никакой дополнительной уборки не понадобилось.

– Проходите! – пригласил я внутрь инспектора. – С кем хотите поговорить?

Моран переступил через порог и внимательно оглядел обстановку. Рабочий стол с висевшим на стене за ним пейзажем сыщик по какой-то причине забраковал и остановил свой выбор на одном из кресел у камина. Уселся в то, что было развернуто высокой спинкой к окну, и почти растворился в густой тени. На свету остались лишь убранные на подлокотник руки; в перстне заискрился крупный желтый бриллиант.

– Морис Тома, знаете такого? – спросил Моран.

– Нет, мсье, – ответил я, но сразу прищелкнул пальцами, будто поймал нужное воспоминание. – Буфетчик?

– Он самый. Приведите его. И передайте пепельницу.

Получив хрустальную пепельницу, сыщик достал пачку «Честерфилда» и закурил, а я отправился за буфетчиком. Тот командовал официантами и следил за правильной сервировкой столов, но, памятуя о распоряжении хозяйки, отказаться от общения с нашим гостем не посмел. Только пробурчал под нос какое-то ругательство и на миг задержался у зеркала. Разглядел выглядывавший из-под фрака черный жилет и слегка сдвинул в сторону черную же бабочку. Думаю, поправил бы и прикрывавший лысину парик, но при мне делать это постеснялся.

Я привел буфетчика в кабинет графа, и Морис замялся на пороге, не решаясь ступить внутрь.

– Присаживайтесь, любезный! – указал тогда инспектор на кресло напротив. – Жан-Пьер, не уходите. Хочу, чтобы вы присутствовали при беседе. Я ведь здесь неофициально...

При этих словах буфетчик встрепенулся и напомнил:

– Я все рассказал в Ньютон-Маркте! Под протокол!

– Знаю, я читал, – спокойно подтвердил Моран и требовательно взглянул на меня. – Жан-Пьер?

С обреченным вздохом я прикрыл дверь и уселся за рабочий стол графа. Упоминание сыщиком неофициального статуса беседы убедительным мне нисколько не показалось. Третий департамент обычно не обременял себя формальностями, если вдруг решал сунуть нос в чужие дела.

Бастиян Моран затушил сигарету о дно пепельницы и спросил:

– Морис, когда вы вчера уходили, кто оставался в клубе?

– Госпожа Робер, ночной сторож и художник, Пьетро Моретти, – ответил буфетчик без малейшей заминки. – Вчера был выходной, клуб не работал. Я готовился к сегодняшнему приему.

– А танцовщицы, музыканты, хореограф? Никто из них не мог задержаться?

– Репетиция закончилась раньше. Перед уходом я обошел все помещения и погасил светильники, на глаза никто не попался.

– Вы затушили все светильники?

– Несколько осталось гореть в зале, где работал Пьетро. Он обещал погасить их сам.

– Но не погасил?

– Нет.

Я не понимал, к чему клонит инспектор, а тот, казалось, и сам этого не знал и задавал вопросы исключительно наобум. Какое-то время Моран молча постукивал кончиками пальцев по подлокотнику, а Морис как замороженный следил за искоркой вставленного в перстень бриллианта. Но потом буфетчик скинул оцепенение и забеспокоился.

– Сегодня очень важный день, мне нужно работать!

– Не беспокойтесь, надолго вас не задержу, – уверил его сыщик и произнес: – Согласно показаниям прибывших на место преступления констеблей светильники в зале продолжали гореть.

– Так я же говорю, – всплеснул руками Морис Тома, – я не погасил их, потому что Пьетро еще оставался работать!

– Но их не погасил и художник. А он бы непременно сделал это, если бы собрался уходить. Так?

– Не понимаю, почему это так важно, – признался сбитый с толку буфетчик.

– Просто интересно, – мягко улыбнулся Бастиян Моран. – Скажите, когда вы покидали клуб, не заметили на улице никого подозрительного?

– Нет.

– Никто не стоял у входа?

– Я никого не видел.

– Хорошо, можете идти.

Я выпустил буфетчика из кабинета, прикрыл за ним дверь и спросил:

– Кого звать теперь?

– Пожалуй, никого, – решил вдруг Моран. – Но у меня есть несколько вопросов к вам.

– Задавайте, – разрешил я со спокойным сердцем, поскольку скрывать Жану-Пьеру от полицейских было нечего.

И все же сыщик сумел удивить: он начал с того, что потребовал мой паспорт. Изучил его, уделяя особое внимание отметкам о пересечении границы, и как бы невзначай поинтересовался жизнью в колониальной Африке, а попутно что-то записал в блокнот. Затем Моран

пожелал выяснить, чем я занимался два месяца, прошедшие с моего прибытия в Новый Вавилон.

– Пил, гулял, искал работу, – пожал я плечами, разваливаясь в кресле.

– Почему же не обратились к кухне?

Я рассмеялся.

– Мсье! У кухни своих забот полон рот. Она в долгах как в шелках, выручки едва хватает, чтобы платить по закладным. Так что еще неизвестно, кто кому оказывает услугу: Софи мне, принимая на работу, или я ей, соглашаясь помочь.

Инспектор выгнул бровь.

– Но клуб, кажется, процветает?

– Дело в старых долгах.

– В старых долгах?

– В очень старых долгах.

– Это как-то связано с ее пропавшим супругом? – предположил инспектор.

Я почувствовал, что ступил на очень тонкий лед, и осторожно кивнул.

– Да, граф был заядлым игроком. Слишком азартным и не очень удачливым.

Моран покачал головой и вдруг спросил:

– Вы встречались с ним?

Студеный октябрьский ветер, плеск темной речной воды...

Я беспечно улыбнулся и спокойно ответил:

– Перекинулся как-то парой слов. Уже даже не помню когда.

– Что вам известно о его исчезновении?

– Только то, что писали в газетах. В то время я был на континенте.

Граф Гетти бесследно исчез два года назад, в самом конце октября. После одной из шумных вечеринок он вдруг перестал появляться на людях, а несколько дней спустя вышел на яхте в море, и... больше его никто никогда не видел.

– Есть предположения, что с ним могло стрястись? – любопытствовал инспектор.

– Ни малейших, – ответил я и принялся выдвигать ящики письменного стола. В одном из них обнаружился выкидной стилет с накладками из леопардового дерева. Посередине рукояти была сделана серебряная вставка с гербом рода Гетти – мечи и шуки, разделенные восходящей диагональю, а на больстере сплелись в затейливый вензель буквы «М» и «Г».

Судя по клейму мастера, нож изготовили в одной из многочисленных мастерских итальянского Маниаго. Я сдвинул кнопку, полюбовался разложившимся клинком, хищным и узким, потом сложил его обратно.

Моран взглянул на меня с непонятной улыбкой и вновь спросил:

– Могла госпожа Робер иметь отношение к исчезновению супруга?

Студеный октябрьский ветер, плеск темной речной воды, щелчок предохранителя...

– Разве есть основания подозревать в исчезновении графа убийство? – прищурился я.

– Просто скажите, что вы об этом думаете.

– Но какое...

– Ответьте, прошу вас!

Вот только сыщик не просил, а требовал. Я вздохнул и покачал головой.

– Нет, мсье. Софи ни в чем таком не замешана, это ясно как белый день. В противном случае тело графа нашли бы очень и очень быстро.

– Из-за страховки?

Ни для кого не было секретом, что супруги Гетти застраховали свои жизни в пользу друг друга, но к тому времени, как появилась возможность признать пропавшего Марко умершим, срок действия страховки давно прошел.

– Вижу, вы подняли материалы дела, – отметил я. – С чего бы это?

Инспектор потер пальцами бледное лицо и ничего мне не ответил. Вместо этого задал очередной вопрос:

– Так вы полагаете, граф наделал долгов и сбежал от кредиторов?

Студеный октябрьский ветер, плеск темной речной воды, щелчок предохранителя... Вспышка!

Я непроизвольно потер грудь, но сразу взял себя в руки и фыркнул.

– Во-первых, мсье, я ничего об этом не думаю. Во-вторых, раз уж вы спрашиваете: нет, эта версия не кажется мне убедительной. Никто не отправляется на дно в одиночестве, все стараются утянуть за собой близких. Реши граф скрыться – он не оставил бы здесь Софи. Увез бы ее с собой. Скорее уж Марко сорвал куш и решил не отдавать долги, а начать новую жизнь.

Инспектор закурил и кивнул.

– Яхта, штормовой океан, крушение. И никакого криминала.

– Послушайте, мсье! К чему эти расспросы? – не выдержал я. – Вы можете объяснить?

На этот раз Моран уходить от прямого ответа не стал.

– Детектив-сержант Льюис, которого вчера застрелили в клубе, расследовал обстоятельства исчезновения графа Гетти. Он опрашивал работников пристани, видевших графа на борту отплывавшей яхты. Именно эти показания послужили основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. Но вдруг имел место подлог? Возможно, Льюис явился сюда с целью шантажа?

– А что говорит его инспектор?

Моран досадливо поморщился.

– Инспектор Остридж предоставляет подчиненным излишнюю, на мой взгляд, самостоятельность. По его словам, сержант собирался проверить какую-то зацепку по одному из текущих расследований. Это все, что ему известно.

– А констебль, которого оглушили? Я слышал, кто-то остался в живых.

– Фредерик Гросс? Уверяет, что просто выполнял приказ сержанта. Но я еще поговорю с ним. И не только с ним.

Прозвучало заявление инспектора на редкость многозначительно; я вновь щелкнул стилетом, затем сложил клинок и спрятал нож в карман.

– Что-то еще? – спросил я, откидываясь на спинку кресла.

– Нет, на этом все. Благодарю, Жан-Пьер, вы мне чрезвычайно помогли.

Моран затушил сигарету и поднялся на ноги. Я выпустил его из кабинета, да и сам оставаться там не стал, вышел в коридор и запер дверь. Смотреть уже начавшееся представление не пошел, вместо этого отправился проверить охранников. У них все оказалось спокойно, поэтому я решил не раздражать вышибал назойливой опекой и заглянул на кухню. К счастью, шеф-повар был занят последними приготовлениями, и никто не помешал мне нагрузить поднос тарелками с мясными деликатесами, прихватить бутылку вина и вернуться в кабинет графа.

Я не заедал стресс, вовсе нет! Просто Пьетро был слишком уж худощавым. Дабы полностью соответствовать образу хулиганистого Жана-Пьера, мне требовалось набрать вес и окрепнуть.

Что же касается расспросов сыщика – они встревожили меня не слишком сильно. Инспектор лаял не на то дерево и очень скоро должен был это понять.

5

Премьера прошла с огромным успехом. Сам я в зал не заходил и судил об этом исключительно по продолжительности аплодисментов. Танцовщицы покинули сцену, на смену им пришел конферансье, и сразу заиграл что-то легкое оркестр. Публика в основе своей расходиться не спешила и осталась на танцы. У центральной лестницы дежурил Антонио, он сверялся со списком и вежливо, но непреклонно заворачивал обратно всех, кроме членов клуба и приглашенных ими гостей.

Когда зал покинула Софи, я подступил к ней, взял за руку и увел в боковой коридор.

– Что случилось? – раздраженно прошипела кузина. – У меня совершенно нет времени!

– Полицейские что-нибудь говорили о Марко?

– С какой стати?!

– Один из них расследовал его исчезновение.

– Проклятье! – выругалась госпожа Робер. – Так вот откуда он знал о сейфе! В прошлый раз сыщики перевернули здесь все вверх дном!

– Так они что-нибудь говорили или нет?

– Нет! Лишь потребовали открыть сейф!

– Моран будет об этом спрашивать.

– Спасибо, Жан-Пьер, это очень важно. А сейчас мне надо бежать! – Софи отступила от меня, но сразу развернулась обратно. – Постой, разве ты не идешь на прием?

– Иду.

– Ты не можешь пойти в этом! – объявила кузина, указав на поношенный пиджак. – Это просто неприлично! Переоденься!

Я обреченно вздохнул и отправился в костюмерную. Та располагалась рядом с гримеркой и комнатой отдыха танцовщиц, из-за дверей доносились радостные женские голоса и смех. Тут же толпились особо рьяные поклонники, издали за ними приглядывал невозмутимый, будто сама смерть, Лука. Он кивнул мне, я кивнул в ответ и прошел в костюмерную.

Фрак, брюки и лакированные туфли подобрать удалось без всякого труда, а вот когда я взял черную жилетку, отвечавшая за костюмы тетенька поспешила меня остановить.

– Молодой человек, вы же не хотите, чтобы вас приняли за официанта?! – всполошилась она.

– Именно этого я и хочу, – ответил я, взял черную бабочку и улыбнулся. – Мадам, ну к чему мне бросаться в глаза разным важным господам? Я чужой на этом празднике жизни и собираюсь быть незаметен, словно невидимка.

– Не думаю, что у вас это получится, – решила костюмерша, явно имея в виду сломанный нос и шрам на скуле.

Я лишь хмыкнул в ответ, встал у зеркала и слегка сдвинул в сторону бабочку, затем поправил расческой волосы и остался увиденным целиком и полностью доволен.

Оставлять свою одежду в костюмерной я не стал и унес в кабинет на втором этаже. Там переложил в карманы брюк выкидной стилет и пистолет, благо он был небольшим и плоским, а вот кастет и запасной магазин пришлось оставить. Сунуть их было решительно некуда.

Когда я зашел в банкетный зал, гости уже собрались. Дамы в вечерних платьях блистали драгоценными камнями ожерелий, серег и диадем; эту роскошь и великолепие оттеняли строгие костюмы кавалеров. Впрочем, бриллианты в перстнях и запонках господ ничем не уступали украшениям великосветских модниц.

Среди почтенной публики всюду сновали официанты с подносами, заставленными бокалами искристого шампанского, и на еще одного халдея в моем лице никто внимания не обра-

тил. Разве что инспектор Моран смерил слишком уж пристальным взглядом, но подходить не стал. Он был занят беседой с маркизом Арлином и еще несколькими важными господами из числа завсегдатаев.

Со стороны могло показаться, будто сыщик отчитывается перед маркизом, но Моран не произвел на меня впечатления бездумного карьериста. Если он и был карьеристом, то умным и расчетливым. В беседе такой, скорее, сам постарается вытянуть дополнительную информацию, нежели раскроет свои карты кому-либо еще.

Вдоль дальней стены выставили фушетные столы, но людей там пока было немного; популярностью пользовались лишь шампанское и канапе с красной и черной икрой, а их разносили официанты. В центре зала играл струнный квартет, негромкая музыка создавала фон, в котором растворялись голоса приглашенных.

Постепенно публика распалась на несколько групп. Завсегдатаев клуба собрал вокруг себя маркиз Арлин. Высокий и очень худой седовласый джентльмен возвышался над остальными едва ли не на голову и чем-то неуловимо напоминал аиста, которого шутки ради наряжали в черный фрак с серебряной розеткой ордена Прогресса.

Софи представляла занятым театрам Ольгу Орлову и Виктора Долина; русская прима благосклонно улыбалась поклонникам, а вот хореограф явно чувствовал себя не в своей тарелке. Он тоже улыбался, но на редкость нервно и скованно. Это совсем на него не походило.

Возможно, Виктора выводило из себя присутствие конкурента: ничуть не меньшая аудитория окружила артистичного вида господина с растрепанной светлой шевелюрой, песочного цвета бородкой и аккуратными усами. Декламируя стихи, сиятельный – в этом не оставляли никаких сомнений бесцветно-серые глаза, – активно жестикулировал, а когда замолкал перевести дух, любители поэзии тотчас начинали рукоплескать и требовать продолжения.

Я огляделся по сторонам, заметил проверявшего сервировку фушетных столов буфетчика и подошел к нему.

– Морис, расскажешь, кто есть кто?

Буфетчик с недовольным видом оторвался от своего занятия, но все же пересилил себя и отказывать в просьбе не стал.

– Разумеется, Жан-Пьер! – скомканно улыбнулся он. – Вас интересует кто-то конкретный?

Я первым делом указал на декламатора.

– О, это Альберт Брандт! – округлил глаза Морис Тома. – Уверен, вы не могли о нем не слышать!

И в самом деле – слышал. Альберт Брандт был популярным столичным поэтом, он даже поставил несколько пьес собственного сочинения на сцене императорского театра. Ходили слухи, что ему нет равных в декламации стихов, но в «Сирене» он никогда раньше не выступал.

– Ясно, – улыбнулся я и кивнул на Арлина. – Маркиза я знаю, а остальные?

Окружение маркиза меня интересовало мало, просто хотелось определить для себя самого, насколько серьезный резонанс случился бы, стань вдруг достоянием общественности тайные развлечения высшего света. И, надо сказать, скандал вышел бы преизрядным.

В ряды скучающих великосветских повес затесались полковник генерального штаба, ответственный секретарь коллегии по делам провинций, заместитель министра, пара влиятельных придворных и несколько банкиров и крупных промышленников, все – сплошь из старых аристократических фамилий. Этой публике было что терять в случае огласки, но я бы десять раз подумал, прежде чем решиться на шантаж. Малейшая ошибка – и вот уже в акватории порта к берегу прибывает очередного безымянного утопленника.

– Вы позволите, Жан-Пьер, мне надо вернуться к своим обязанностям...

– Да-да, конечно, Морис! – отпустил я буфетчика.

Инспектор Моран присоединился к почитателям таланта Альберта Брандта, поэтому я взял со стола поднос и прошелся по залу, раздавая бокалы с шампанским. Разговоры при моем приближении не стихали, но ничего интересного услышать не удалось, поскольку в окружении маркиза Арлина говорили исключительно о политике. Вероятно, погоду уже успели обсудить.

– Скрывать не буду, – объявил маркиз, взяв с подноса бокал с золотистым игристым вином, – поначалу я был настроен в отношении ее величества более чем скептически. А признание независимости колоний Нового Света и вовсе ввергло меня в глубочайшее уныние. – Слушатели закивали, соглашаясь с этими словами, и тогда Арлин воздел к потолку указательный палец. – Но! Я просто не видел всей картины целиком. Подписание мирного договора с Теночтитланом изменило все самым кардинальным образом. Империя не только вернула контроль над землями южнее Амазонки, но и обрела поистине колоссальный рычаг давления на Штаты, которые до сих пор находятся с ацтеками в состоянии войны!

– Да, это позволило перекинуть флот из Атлантического океана в Иудейское море и Персидский пролив, – кивнул седовласый господин в мундире полковника инфантерии. – Для Тегерана это оказалось неприятным сюрпризом! Подумать только, еще совсем недавно персы всерьез нацеливались на Константинополь и наши аравийские владения!

– Не стоит забывать о каучуке, – напомнил кто-то из промышленников. – Кофе и какао тоже важны, но без прямых поставок каучука наши предприятия просто задохлись!

Не разделял всеобщего воодушевления лишь секретарь коллегии по делам провинций.

– Не все так гладко, господа. Не все так гладко, – веско произнес он, отпил шампанского и продолжил: – Берлин, Вена и Рим все больше сближаются друг с другом. Их союз грозит разорвать империю надвое!

– О, не стоит сгущать краски, мой дорогой, – рассмеялся маркиз.

Секретарь понизил голос:

– А известно ли вам, господа, на чьих верфях производится большая часть наших дирижаблей?

– Дирижабли – это прошлый век! – отчеканил полковник генерального штаба. – Будущее – за аэропланами!

– Вот только пороховые движки работают в воздухе нестабильно, а паровые слишком тяжелы!

– Скажу по секрету – дано высочайшее повеление приступить к разработке принципиально новых двигателей!

– Ох уж эти ваши армейские прожекты!

Разгоревшийся спор я выслушивать не стал и унес поднос с пустыми бокалами на кухню. А когда вернулся на второй этаж и огляделся, то, к своему немалому удивлению, не обнаружил среди гостей Софи.

Я быстро подошел к дежурившему на лестнице Антонио и поинтересовался, не видел ли тот кухню.

Красавчик на миг задумался, потом кивнул.

– Ушла пару минут назад, – сообщил он.

– Одна?

– Нет, с гостем.

Мне это совсем не понравилось, и я поспешил спуститься на первый этаж. Публика начала понемногу расходиться, поэтому в фойе было многолюдно, и ни Жиль, ни Гаспар хозяйку не заметили.

– Лука до сих пор торчит у гримерки? – уточнил я.

– Там, – подтвердил Гаспар. – А что случилось?

– Ерунда, – отмахнулся я, не желая делиться беспочвенными подозрениями, и отправился проверить кабинет Софи, но только свернул в коридор и сразу наткнулся на невесту

что позабывшую там парочку: импозантного господина средних лет и невероятной красоты девушку в длинном закрытом платье. Черные волосы и смуглая кожа выдавали в ней уроженку Греции, но могла она оказаться и персиянкой.

На миг я опешил от неожиданности. Незнакомка оказалась не просто красива, ее считали бы идеалом даже самый взыскательный дамский угодник. В ней не было ни малейшего изъяна, и это немного пугало. Никто не идеален от рождения. Идеальным можно лишь стать. Я знал это наверняка.

А вот спутник прелестницы идеальным не был, и это ему даже шло. Невысокий и плотный, но подтянутый господин с лихо закрученными вверх напояженными усиками заметно прихрамывал и опирался при ходьбе на трость с затейливой серебряной рукоятью. Зачесанные назад волосы открывали высокий лоб и глубокие залысины на висках; умное и волевое лицо было мне определенно незнакомо.

– Могу вам чем-то помочь? – спросил я после секундной заминки.

– О нет! – рассмеялся господин и пояснил с едва заметным германским акцентом: – Мы просто хотели засвидетельствовать свое восхищение госпоже Орловой, но, видимо, свернули не туда.

– Вас проводить к ней?

– Не стоит. Будет повод посетить представление еще раз.

Странная парочка ушла в фойе, после них остался едва уловимый запах дорогого табака и волнительный аромат духов. Невольно я даже задержал дыхание, и мне привиделся бескрайний простор и горячий ветер, но уже через миг наваждение сгинуло, словно ничего и не было.

Я невесть с чего почувствовал себя обманутым, но тоже лишь на миг, а потом в голове неожиданно всплыло слово «импресарио». Незнакомец нисколько не походил на скучающего бездельника; так что же его привело в служебные помещения клуба на самом деле?

Если это действительно вознамерившийся переманить приму театральный агент...

Я взглянул на дверь кабинета Софи, беззвучно выругался и поспешил в фойе. К моему немалому удивлению, странная парочка на первом этаже задерживаться не стала и поднялась в банкетный зал. К еще большему удивлению – Антонио их беспрепятственно пропустил.

В этот момент у входной двери послышался какой-то шум, но, как оказалось, это Жиль выставил на улицу слишком настырного газетчика. Я вернулся в служебный коридор и в приглушенном свечении газового рожка увидел у кабинета Софи женский силуэт. Девушка поспешно отпрянула назад, тут же распахнулась дверь, и наружу шагнул молодой человек, высокий, грузный и одутловатый. Вслед за ним появилась Софи.

– Ольга? – удивилась она. – Что ты здесь делаешь?

– Я хотела с вами поговорить, госпожа Робер, – пояснила прима. – Но если сейчас неудобно, это может подождать до завтра.

– Давай так и сделаем, – кивнула Софи, увидела меня и нахмурилась. – Все в порядке, Жан-Пьер?

– В полном, кухня, – подтвердил я.

– Тогда запри дверь, – попросила хозяйка клуба и отправилась со своим спутником в фойе. Лицо молодого человека показалось знакомым, он точно появлялся в клубе до этого дня раз или два, но имени его я не знал. Как уже говорил, Пьетро предпочитал держаться особняком. Художника мало интересовали люди, ему хватало картин и воспоминаний. Точнее, воспоминаний ему как раз и не хватало...

Я достал из кармана брюк связку ключей и вдруг заметил, что прима разглядывает меня с нескрываемым интересом.

– Так ты кузен госпожи Робер? – полюбопытствовала Ольга. – Я тебя здесь раньше не встречала.

– Жан-Пьер Симон к вашим услугам, мадемуазель.

– Я Ольга.

– Не знать, кто вы, – преступление.

– О, ты мне льстишь!

Прима рассмеялась, и я улыбнулся ей в ответ. Ольга была хороша. Не идеальна, как спутница «импресарио», а именно хороша своим природным живым обаянием, грацией и красотой. Стянутые платком волосы рассыпались на уровне плеч симпатичными светлыми кудряшками, обрамленные длинными ресницами глаза горели двумя синими звездами, а чуть вздернутый носик и ямочки на щеках добавляли округлому лицу дополнительное очарование. Пахло от танцовщицы ароматом цветущей сирени.

Ольга потеряла ленту черного бархата на шее и нерешительно произнесла:

– Скажи, Жан-Пьер, а на госпожу Робер вчера и в самом деле напали?

Я на миг задумался над ответом, потом просто кивнул.

– И Пьетро застрелил бандитов?

– Застрелил, – подтвердил я, радуясь, что никто так и не пронюхал об участии в нападении сыщиков Ньютон-Маркта.

– А могу я хоть одним глазком взглянуть на кабинет? Мне жутко любопытно!

«Любопытство кошку сгубило», – стоило бы ответить мне, но я еще не успел запереть замок, поэтому приоткрыл дверь, и Ольга быстро прошмыгнула внутрь.

– Здесь все и случилось? – прошептала она, оглядываясь в полумраке помещения. Свет в кабинете не горел, лишь проникали в окно отблески уличных фонарей.

– Идемте, мадемуазель! – позвал я приму, но та не сдвинулась с места.

– Это так волнующе! – проговорила Ольга и попросила: – Расскажите, расскажите немедленно, что здесь произошло!

Уже жалея о том, что позволил взбалмошной танцовщице войти в кабинет Софи, я шагнул к ней и протянул руку.

– Пойдем, Ольга!

Прима отступила к столу и оперлась на него руками, удивительным образом скопировав позу, в которой сыщики удерживали Софи.

– Как думаете, Жан-Пьер, как все было?

– Понятия не имею.

– О, этот пленительный флер тайны! – прошептала Ольга.

Я взял танцовщицу за руку, но та не сдвинулась с места, даже когда моя ладонь легла ей на талию.

– Мадемуазель, нам надо идти...

– Мне сложно дышать. Жан-Пьер, прошу...

Кто другой бросился бы за водой, но Жан-Пьер был не таков. Я попросту ослабил шнуровку платья, Ольга сдавленно ахнула и неизвестно, как далеко бы мы зашли, но тут раздался стук в дверь.

– Госпожа Робер! – послышалось из коридора.

Ольга отпрянула от меня и прошептала:

– Виктор! – Она сделала ударение в имени на второй слог. – Это Виктор!

– Госпожа Робер! – уже громче повторил хореограф. – Нам надо поговорить!

Прима обхватила себя руками, дабы удержать сползавшее с плеч платье, и взмолилась:

– Виктор не должен застать нас вместе! Прошу, сделай что-нибудь!

Проклятье! Меньше всего мне хотелось в первый же день своего пребывания в «Сирене» оказаться втянутым в богемный скандал!

Дверная ручка повернулась, но прежде чем хореограф переступил через порог, я загородил ему дорогу и шагнул навстречу, буквально выдавливая незваного гостя в коридор. Сделать это удалось без всякого труда – сказалось превосходство в телосложении.

– Позвольте войти! – потребовал Виктор Долин. – Разговор не терпит отлагательств!

– Кузины здесь нет. Она на приеме.

– Но я слышал женский голос!

– Вам показалось, – ответил я и запер дверь на ключ. – Повторяю, госпожа Робер на приеме в банкетном зале.

– Я только что был там и не видел ее!

– Вероятно, вы разминулись.

Виктор Долин смерил меня недоверчивым взглядом, затем полным театральной экспрессии движением развернулся и зашагал прочь. Дабы не вызывать лишних подозрений, я тоже у кабинета задерживаться не стал и вышел в фойе вслед за ним, рассчитывая сразу вернуться обратно и выпустить Ольгу. Как назло, хореограф принялся бездумно нарезать круги по первому этажу, то и дело поглядывая в коридор, словно ожидал возвращения Софи. Лишь через десять минут он закурил, сделал несколько резких затяжек, собираясь с решимостью, и наконец убежал на второй этаж.

Я поспешил вернуться в коридор, отпер кабинет и шепнул:

– Ольга!

Прима осторожно выглянула наружу и спросила:

– Виктор ушел?

– Ушел. Выходи!

Тогда Ольга выскользнула из комнаты и поцеловала меня в щеку.

– Благодарю за волнующее приключение, Жан-Пьер! – рассмеялась она и под перестук каблучков побежала по коридору.

Я с легкой тоской взглянул вслед приме, потом запер дверь и вздохнул.

Волнующее приключение? Проклятье! Меня бы куда больше устроила банальная интрижка!

Когда я поднялся в банкетный зал, Виктора Долина там уже не было. То ли успел переговорить с хозяйкой «Сирены» и отправился восвояси, то ли не решился обсуждать дела при посторонних.

О-хо-хо, неужто моя догадка насчет импресарио оказалась недалеко от истины?

Я еще раз оглядел банкетный зал, затем подошел к Антонио и спросил:

– Обратил внимание на гречанку или персиянку в синем платье?

Охранник восхищенно присвистнул.

– Спрашиваешь! Такую краю захочешь – не пропустишь!

– Помнишь, с кем она пришла?

Антонио повел пальцем по списку и вскоре уверенно постучал по нужной строчке.

– Барон фон Страге со спутницей, – прочитал вышибала, – по приглашению Анри Фальера.

– Знакомая фамилия, – наморщил я лоб, пытаясь вспомнить, где слышал это имя раньше.

– Фон Страге?

– Нет, Фальер.

– Это племянник бывшего министра юстиции. Того, который себе пулю в лоб пустил, – подсказал Антонио и указал на приближающуюся к нам пару. – Вот он идет с женой.

Анри Фальер оказался тем самым высоким и рыхлым молодым человеком, которого я застал выходящим из кабинета Софи. К толстякам его было пока еще не отнести, но бледное лицо выглядело откровенно одутловатым, а избыточный вес уже не скрывал даже мастерски пошитый костюм. Рыжеволосая молодая женщина смотрелась на фоне мужа худенькой тростинкой; в ее бесцветно-серых глазах сиятельной беспрестанно вспыхивали и гасли яркие оранжевые искорки.

– Дочь бывшего главного инспектора Ньютон-Маркта, – просветил меня Антонио, когда супруги начали спускаться по лестнице на первый этаж, и вздохнул. – Эх, хороша чертовка... И с этим не поспорить. Госпожа Фальер действительно была хороша.

Гости разошлись далеко за полночь. Вслед за ними клуб покинули привлеченные на вечер официанты, затем освободились и наводившие порядок постоянные работники. Ночное дежурство поручили Луке, остальные вышибалы дожидались меня на заднем дворе. Но прежде чем выйти к ним, я спустился в подвал, отпер пустовавшую сейчас каморку истопника и достал из покосившегося комода увесистый кожаный саквояж.

Когда на улице кинул его на землю и внутри солидно лязгнул металл, охранники мигом побросали сигареты и обступили меня со всех сторон. Я опустил на корточки, раскрыл саквояж и начал раздавать револьверы.

Пора было заняться делом.

Часть вторая

1

Порожняя лодка легко скользила по каналу; четыре весла синхронно погружались в черную воду, миг спустя показывались обратно и снова ныряли вниз.

Раз-два. Раз-два. Раз-два.

Тихий плеск, шумное дыхание. Мимо проплывали закованная в камень набережная и темные силуэты домов. Редко-редко попадались на глаза освещенные окна и окруженные прозрачным свечением газовые фонари. Над головами растеклась непроницаемая пелена облаков, время от времени в ней мигали сигнальные огни дирижаблей.

На весла мы сели вчетвером – я и Гаспар с левого борта, Антонио и Жиль с правого, поэтому лодка шла быстро и очень скоро вырвалась из узкого канала на простор Ярдена. Там нас закачало на волнах, подхватило течением, потянуло во тьму. Впереди замаячила арка моста, от дальнего берега по ней бежала яркая точка фонаря паровоза.

– Сушим весла? – спросил Гаспар.

– Вы с Тони гребите, – решил я. – Потом мы с Жилем вас сменим. Времени в запасе не так много, а ждать нас не станут. Глупо будет опоздать.

– Да уж не хотелось бы, – буркнул Антонио.

– Вот и гребите.

Я устроил весло на борту, поднялся с банки и с наслаждением распрямился, разминая спину. Над рекой чернел непроглядный мрак, но вдоль берегов на высоких набережных протянулись цепочки электрических фонарей, да еще много дальше вниз по течению в небе над портом растекалось грязно-желтое сияние и мелькали лучи прожекторов.

А вода кругом – черная-черная. Мертвая. Только шагни за борт – и камнем уйдешь на дно, не выплывешь.

– Жан-Пьер! – окликнул меня Гаспар. – Как вышло, что мы раньше о тебе ничего не слышали, а ты в курсе всех дел? Неужели кузина так тебе доверяет?

Я был рад отвлечься от неуютных раздумий, поэтому отмалчиваться не стал. Да и не помогло бы. От настырного испанца так просто не отвяжаться. Ведь совсем неспроста этот вопрос возник именно сейчас.

Ночь, река, лодка, ножи и револьверы – мало ли что может произойти?

– Кузина доверяет мне, да, – с усмешкой подтвердил я и раскрыл саквояж. – А вы обо мне ничего не слышали, потому что слышать были не должны. И я в курсе всех дел, ведь это и мои дела тоже. На все вопросы ответил, нет?

– Ответить-то ответил, да только понятней не стало, – проворчал Гаспар, смахивая пот с покрывшегося испариной лица. – Язык у тебя хорошо подвешен, этого не отнять.

Жиль развернулся и потер крупный нос.

– Держался в тени, да? – предположил он. – А теперь начались проблемы и пришлось засветиться?

– Все так, – кивнул я и достал из саквояжа деревянную кобуру с маузером «К63». Раскрыл ее, вытащил пистолет и проверил, дослан ли патрон. – Мы работаем на Софи, просто не забывайте этого – и все будет хорошо.

– Кстати, не поделишься, что там за проблемы с Ньютон-Марктом? – полюбопытствовал Антонио, продолжая размеренно работать веслом.

– Никаких проблем. Больше нас не побеспокоят, – ответил я, перекинув ремень кобуры через плечо.

– А сицилийцы? – задал красавчик во всеуслышание очередной неудобный вопрос.

– Тут все сложно, – честно признался я. – Как уже говорил – с ними надо держать ухо востро.

И вот с этим моим утверждением никто спорить не стал.

Вскоре река расширилась, берега потерялись в темноте, появились волны. Лодку стало раскачивать, но не слишком сильно.

– Не пора? – забеспокоился Жиль, когда нас подхватило течение и начало сносить к акватории порта, заходить в которую было чрезвычайно опасно.

– Оружие проверьте, – потребовал я, достав из-под лавки электрический фонарь.

Поборов какое-то внутреннее сопротивление, включил его и принялся открывать и закрывать заслонку. Цветное стекло замигало синими всполохами. Я семафорил, понемногу разворачивая фонарь, и очень скоро со стороны открытого моря замелькали зеленые отблески ответных сигналов.

– Слишком далеко, – забеспокоился Жиль.

– На весла! – скомандовал я и, подавая пример остальным, первым уселся на банку.

Несколькими мощными гребками мы развернули лодку и придали ей нужное направление, а затем принялись размеренно грести, перебарывая течение, которое продолжало понемногу сносить нас в сторону порта.

Мелькавшие время от времени в ночи отблески зеленого фонаря приближались, а потом во тьме возник вытянутый силуэт шхуны. Судно контрабандистов легонько покачивалось на волнах со спущенными парусами, на носу стоял матрос с сигнальным фонарем, рядом замер охранник с винтовкой наперевес.

– Оружие держите под рукой, – предупредил я подельников, ухватил сброшенную с невысокого борта веревку и потянул на себя, притягивая лодку к шхуне. Точно так же поступил Антонио. Качка сразу стихла, лишь слышался едва заметный скрип, с которым терлись друг о друга борта.

Тогда через фальшборт перегнулся смуглый человек с копной черных курчавых волос.

– Деньги! – потребовал он с явным восточным акцентом.

Я не стал выдвигать никаких встречных условий, вытянул руку и передал две пачки десятифранковых банкнот. Контрабандист взял их и принялся пересчитывать в свете потайного фонаря.

Продолжая цепляться за натянутую веревку, я свободной рукой откинул крышку с деревянной кобуры маузера. Если случатся неприятности – они случатся именно сейчас.

Но нет.

– Грузите! – распорядился контрабандист, закончив считать деньги из первой пачки.

Антонио и Гаспар начали принимать у моряков увесистые ящики, а Жиль размещал их на дне так, чтобы груз лежал равномерно и лодка не перевернулась.

Я в погрузке участия не принимал и продолжал следить за моряками, но обошлось без неожиданностей.

– Порядок! – объявил контрабандист своим людям, проверив вторую пачку. – Шевелитесь, лентяи!

И вновь ящики, ящики, ящики. Под конец погрузки лодка заметно просела, но при желании могла принять еще половину от полученного товара или даже чуть больше.

Отвязав веревки, мы с Антонио оттолкнулись от шхуны веслами и принялись грести против течения. В наветренный борт мягко били невысокие волны, но через него не перехлестывали, лишь немного раскачивали лодку – и только.

– Может, пора? – спросил Жиль.

Шхуна бесшумно, словно корабль-призрак, растворилась в ночи; мы давно потеряли ее из виду, да и контрабандисты уже не могли видеть нас, поэтому я вновь достал фонарь и принялся светить им в сторону города. Поначалу ничего не происходило, потом мигнул желтоватый огонек ответного сигнала. Прошла минута, еще одна, затем послышался шум паровой машины и плеск воды. Из темноты выплыл паровой катер, сразу замедлил ход и начал разворот, лодку закачало на волнах.

– Прими конец! – послышался пропитой голос, мелькнула веревка.

Антонио перехватил ее, не дав упасть в воду, продел в железное кольцо на носу лодки, затянул узел и крикнул:

– Готово!

Паровая машина зафырчала, залязгали механизмы ходовой части. Катер ускорился, веревка натянулась и потащила нас буксиром. Паровая лоханка шла против течения на удивление уверенно, пенилась вода, позади расходились кильватерные следы. Пару раз над головой темными силуэтами проносились арки мостов, а потом Жиль вдруг встрепенулся и удивленно произнес:

– А фонари-то не горят!

И точно – обе набережные Ярдена оказались погружены во тьму, лишь изредка там мелькали отблески фар самоходных колясок и ползли желтые точки фонарей конных экипажей.

– Нашим легче, – проворчал Гаспар.

У канала Меритана капитан сбавил ход, протянул нас немного выше по реке и заглушил паровую машину. Мы вновь сели на весла, а буксир начало сносить течением. Когда он поравнялся бортом с лодкой, Антонио развязал хитрый морской узел, быстро смотал веревку в кольцо и перекинул старику в потертom морском бушлате. Я сунул в его мозолистую ладонь две сотни.

– До новых удивительных встреч! – хрипло расхохотался капитан катера, отсалютовал мне фуражкой и вывернул руль.

Катер увело в сторону, он вновь зафырчал паровым агрегатом и скрылся в темноте, а мы налегли на весла и загнали лодку в канал. После свежего речного простора воздух там показался затхлым, а пару минут спустя у темного провала тоннеля и вовсе начало откровенно вонять канализацией.

– Включай фонарь! – потребовал Антонио.

Я так и поступил, только сначала убрал заслонку и снял синее стекло. Всякий раз, когда сдвигал выключатель, по коже бежали мурашки. Электричество – удобная вещь, спору нет, но... не люблю.

Яркий луч фонаря разогнал темень тоннеля, через который в канал уходили сточные воды, и мы направили туда лодку. Лопасты весел едва не задевали грубую кладку стен с белесым налетом, да еще приходилось горбиться и втягивать головы в плечи, чтобы не задеть макушками низкий свод каменного потолка. Коротышке Жилю оказалось проще всего, остальные на рост пожаловаться не могли.

Пока догребли до боковых ступеней, заплесневелых и обшарпанных, взмокли. После того как Антонио привязал носовое кольцо к вбитой в стену ржавой скобе, я выпрыгнул на узенькую каменную площадку и отпер решетку, загораживавшую проход. Механизм навесного замка оказался обильно смазан солидолом, ключ провернулся в нем без всякого усилия.

– Ждите! – распорядился я, поднялся по узенькой каменной лесенке и откинул обитую стальными полосами крышку люка. Просторное помещение наверху было погружено во мрак; прежде чем спуститься обратно, я запалил керосиновую лампу, и яркий теплый огонек осветил каретный сарай – тот самый, что стоял на заднем дворе «Сирены».

На пару с Гаспаром мы утащили наверх первый ящик, а когда выставили его к стене, Жиль и Антонио уже приволокли следующий.

Деревянные короба оказались не слишком тяжелыми, а вдвоем на крутой узенькой лестнице было попросту не развернуться, поэтому мы выстроились цепочкой и передавали ящики из рук в руки. Под конец оттащили короба от люка и сложили их друг на друга у одной из стен.

– Ну что, перекурим? – пошутил Антонио.

– Обязательно, – усмехнулся я, гвоздодером сорвал деревянную крышку и вспорол стилетом мешковину.

Антонио запустил руку в прореху, растер меж пальцев крупинки табака и объявил:

– Первый сорт!

– Отличный табачок, – согласился с ним Жиль. – Этого у персов не отнять.

Со шхуны мы и в самом деле приняли партию контрабандного табака. В империи тот облагался просто несусветными ввозными пошлинами: из каждого потраченного на курево франка примерно восемьдесят пять сантимов получала казна. Тонна табака обошлась нам в две тысячи, а при покупке по официальным каналам пришлось бы выложить в шесть раз больше. Насколько мне было известно, Софи уже договорилась о перепродаже этой партии в китайский квартал за восемь тысяч франков.

Я спустился к лодке и вновь запер решетку, заодно прихватил с собой саквояж. Выставил его посреди каретного сарая и скомандовал:

– Револьверы!

Вышибалы начали складывать оружие в сумку, а я взамен выдал каждому по двадцатке. В конце предупредил:

– Остальное получите, как только закроем сделку.

– Когда? – заинтересовался Гаспар.

– На днях, – неопределенно ответил я, продел в петли люка дужку навесного замка и махнул рукой. – Все, расходимся!

2

Утром, едва продрав глаза, я первым делом подошел к зеркалу. Внимательно пригляделся к своему отражению, покрутил головой, растянул в механической улыбке губы. На меня смотрел Жан-Пьер Симон, сомнений в этом не было, но полагаться исключительно на собственную память я не стал, раскрыл блокнот и придирчиво сравнил отражение с портретом, который служил мне своеобразным эталоном.

Страх проснуться кем-то иным свидетельствовал о серьезном психическом расстройстве – я прекрасно отдавал себе в этом отчет, но справиться с собственной фобией не мог. Мне уже доводилось проходить через это. Талант менять собственную внешность и амнезия – жуткий коктейль.

К счастью, расхождений не наблюдалось даже в мелочах. Разве что на запястьях и лодыжках начали проявляться пятна старых ожогов, но такие отметины рано или поздно появлялись у всех моих обличей.

Стигматы? Даже не смешно. Просто ожоги. Память о прошлом.

Я побрился, зачесал волосы и отправился умываться.

Лег я поздно, а встал рано, поэтому не выспался, но поблажек себе решил не давать и, как и было запланировано, первым делом посетил боксерский зал. Потягал гантели и штангу, поколотил грушу, затем отработал удары, провел несколько тренировочных боев и отправился в душ.

Особого удовольствия не получил, но никак иначе новое тело на пик формы было попросту не вывести. Ничего не поделаешь, придется попотеть.

Из боксерского зала поехал в «Сирену». Сразу в клуб я заходить не стал и свернул к одному из кафе на противоположной стороне Ньютонстраат. Уселся за уличный столик и попросил сонную официантку принести полдюжины сваренных вкрутую яиц, пару французских булок, сыр, масло, колбасу и чай.

Кухня у Марио мне нравилась куда больше, но, если уж стал другим человеком, придется менять и привычки. Вот и Софи для меня теперь никакая не хозяйка, а исключительно кузина. Да и Пьетро Моретти вовсе не я, а подавшийся в бега художник.

Девица медленно-медленно, будто сомнамбула, уплыла на кухню, и, поскольку рассчитывать на ее скорое возвращение не приходилось, я принялся изучать купленные по дороге газеты. Ничего интересного для себя там не почерпнул. Во всех изданиях писали о разгоне митинга механистов, протестовавших против грядущего визита императрицы в лекторий «Всеблагородного электричества». В зависимости от политических взглядов владельцев газеты это событие либо клеймилось позором, либо преподносилось как хороший урок для смутьянов. В криминальной хронике упоминалось ограбление почтового броневика и диверсия на электрической подстанции, уже четвертая за год. Не иначе именно по этой причине прошлой ночью на набережной и не горели фонари.

К тому времени, когда заторможенная официантка принялась выставлять с подноса на стол мой завтрак, я уже выкинул газеты в ближайшую урну и затачивал перочинным ножиком карандаш. Пришлось оторваться и заняться едой.

Съел все подчистую, но чувство сытости так и не наступило. Я задумался, не повторить ли заказ, потом решил с этим повременить и вылил в кружку остатки чая из заварочника. Сделал глоток терпкого крепкого напитка, раскрыл блокнот и начал по памяти зарисовывать гостей вчерашнего приема.

Сухопарый маркиз Арлин и его донельзя благородное окружение. Увлеченный декламацией собственных стихов Альберт Брандт. Инспектор Моран – изысканный и утонченный, но одновременно опасный, будто гремучая змея. Рыхлый увалень Анри Фальер под руку с красавицей-женой. Барон фон Страге с моноклем и тростью, его спутница...

Но вот со спутницей барона вышел конфуз. У меня просто не получилось перенести на бумагу ее безупречную красоту. Выходило что-то совсем иное. От злости и непонятного разочарования даже началась мигрень.

Я в задумчивости закусил кончик карандаша и попытался восстановить облик девушки, но нисколько в этом не преуспел. Зато обратил внимание на сам карандаш. На дереве хватало оставленных зубами вмятин, а подобным образом прикусывал кисти и Пьетро Моретти.

Стоит поскорее избавиться от этой привычки, иначе запросто могу выдать себя какому-нибудь внимательному наблюдателю. И опасаться тут следовало даже не инспектора Морана, а скорее, Жилия – вот уж кто мастер подмечать подобные мелочи.

Постучав карандашом по краешку стола, я вновь сосредоточился на спутнице барона, но изобразить ее на бумаге так и не смог, опять вышло что-то не то, да еще заметно усилилась головная боль. В сердцах я вырвал испорченный лист, смял его и кинул на грязную тарелку, а чтобы хоть как-то успокоиться, нарисовал навалившуюся на стол Ольгу и соблазнительный изгиб ее спины.

Но успокоиться не получилось. Скорее уж наоборот. Русская прима была чудо как хороша.

Краешком глаза я уловил движение и едва успел захлопнуть блокнот, прежде чем на свободный стул плюхнулся перебежавший через дорогу Гаспар. Испанец был помят и растрепан, глаза покраснели, а щеки чернели длинной щетиной.

– Салют! – поприветствовал меня Матадор и прищелкнул пальцами, подзывая официантку. – Эй, красавица! Чашку кофе, да покрепче!

– Бессонная ночь? – усмехнулся я.

– Засиделись за картами, – подтвердил Гаспар, закуривая.

– И как?

– Этот мелкий жулик опять всех обчистил! – выругался испанец.

Он точно имел в виду Жилу, и я рассмеялся.

– Ожидаемый результат, разве нет?

Гаспар раздраженно махнул рукой, ослабил узел узкого черного галстука, а потом и вовсе расстегнул ворот рубахи. Пиджак к завтраку он надевать не стал, ограничился жилеткой.

Официантка все той же неспешной походкой сомнамбулы подошла и выставила на стол чашку черного кофе; Гаспар задумчиво глянул ей вслед, почесал рубец на шее и подался ко мне над столом.

– Когда товар дальше отправляем?

– Сегодня или завтра, – пожал я плечами. – Может, послезавтра. А что?

Испанец достал из портсигара новую сигарету и прикурил от окурка, прежде чем нервным движением пальцев вдавить его в дно стеклянной пепельницы.

– Скучно, – изрядно удивил меня испанец таким ответом. – Застоялись кони в стойлах! Жизнь впустую проходит!

– И карта не идет, – понимающе усмехнулся я.

– И это тоже, – подтвердил Гаспар, отпил горячего кофе и указал куда-то через дорогу. – О, хозяйка прикатила.

Я обернулся и увидел, как из открытого экипажа на тротуар выбирается Софи в простом белом платье и шляпке с широкими полями.

Никого из охранников при ней не было.

– Не понял? – проворчал я, достал бумажник и wygrеб монеты из отделения для мелочи.

– Заплатишь за меня? – спросил Гаспар. – А то на мели.

– Заплачу.

Я ссыпал на край стола горстку мелочи и раздраженно зашагал через дорогу, не пропустив при этом отчаянно сигналившую клаксоном самоходную коляску. Шофер высунулся из окошка и заорал благим матом, тогда Гаспар щелчком пальца отправил к нему в окошко окурочек и спокойно зашагал вслед за мной. Баламут моментально заткнулся и согнулся в три погибели, пытаясь отыскать сигарету, прежде чем та прожжет обивку салона или его собственный костюм.

Софи хоть и видела нас, не стала дожидаться на крыльце и прошла в клуб; я забежал следом и с ходу спросил стоявшего в дверях Луку:

– Ты что, отпустил Софи вчера одну?

Лука покрутил завитой кончик уса и спокойно ответил:

– Она уезжала не одна. Сказала, охрана не нужна.

Гаспар рассмеялся.

– Ну Лука! Ну ты как всегда!

– Иди поспорь с ней! – резко бросил громила, достал платочек и протер им блестящую восковой натиркой макушку. – Мое дело маленькое. Мне говорят, я делаю.

Я беззвучно выругался, поспешил за Софи и без стука распахнул дверь ее кабинета.

– Интересно, с кем и где ты провела эту ночь, моя дорогая кузина?

Софи сняла шляпку и потребовала:

– Закрой дверь.

Я переступил через порог, выполнил распоряжение и напомнил о своем вопросе:

– И все же? Где ты была?

– Это не твое дело, дорогой кузен. Я способна сама позаботиться о себе.

– Как в прошлый раз?

– Такого больше не повторится! – отрезала Софи, встала у зеркала и принялась расчесывать черные локоны. Под ее глазами после бурной ночи залегли густые тени, а лицо было самую малость бледнее обычного.

Я уселся в кресло и проворчал:

– В самом деле? Уверена?

– Ревнуешь, Жан-Пьер? Это лишнее.

– Я хочу знать, где тебя искать!

– Там ты меня больше не найдешь, – отрезала хозяйка клуба, положила расческу на туалетный столик и отошла к бару. – Тебе что-нибудь налить?

– Это лишнее, – отказался я.

Софи негромко рассмеялась.

– Не дуйся, Жан-Пьер! Лучше расскажи, как все прошло.

– Табак в каретном сарае, – сообщил я. – Чем раньше переправим его китайцам, тем лучше.

– Я позвоню и обо всем договорюсь, – пообещала Софи. – Джимми Чен будет доволен.

– Еще бы он не был! – фыркнул я.

Если мы на тонне табака заработаем чистыми шесть тысяч франков, то китайский делец наварит много-много больше. На лотках сигареты стоили от пяти сантимов и выше, поэтому при цене в три сантима за сигарету никаких сложностей со сбытом у Чена не возникнет. А это минимум тридцать тысяч! Накладные расходы для него будут не столь уж высоки: многие приезжающие в Новый Вавилон эмигранты из Поднебесной поначалу готовы работать лишь за еду и ночлег. А к чему тратиться на хитроумные машинки, если к твоим услугам сотни почти бесплатных рук?

– Если все пойдет успешно, – задумчиво произнесла Софи, – китайцы будут закупать тонну в месяц. Шесть тысяч франков помогут удержать клуб на плаву. Но сейчас я хочу поговорить не об этом...

Я сразу напрягся.

– Что-то не так? Моран расспрашивал тебя о графе?

Хозяйка клуба села за свой стол, вытащила из сумочки портсигар и спокойно произнесла:

– Расспрашивал.

– И что ты ему рассказала?

– А что я ему могла рассказать? – остро глянула в ответ Софи своими бездонными зелеными глазами. – Нет, инспектор, я понятия не имею, куда подевался мой дражайший супруг. Нет, за эти два года он не выходил со мной на связь. Нет, детектив-сержант о его исчезновении не говорил, просто требовал открыть сейф. Нет, не знаю, зачем ему это понадобилось. Возможно, он просто нуждался в деньгах, вы так не считаете?

Я так не считал и полагал, что инспектор Моран тоже не счел эту версию сколь бы то ни было убедительной.

– Если все прошло гладко, что тебя беспокоит?

Софи вставила тонкую сигаретку в мундштук, закурила и задумчиво выдохнула струйку табачного дыма.

– Есть возможность заработать.

– Так это же хорошо?

– Обстоятельства таковы, что меня терзают смутные сомнения, – покачала головой Софи и откинула с лица черный локон. – Хотя выбора мне не оставляют...

Я откинулся на спинку кресла, закинул ногу на ногу, сцепил пальцы.

– Давай с самого начала.

Кузина сделала еще одну затяжку, отложила мундштук на край пепельницы и сказала:

– Стефан Фальер был моим другом. И не ухмыляйся так – другом, и только другом, я с ним не спала.

– И в мыслях не было, – развел я руками. – Стефан Фальер – это бывший министр юстиции? Тот, который застрелился?

– Он, – подтвердила Софи. – Фальер был человеком герцога Логрина, именно ему он был обязан своей карьерой. Иногда Стефану поручали делать за других грязную работу.

Я поморщился. «Грязная работа» должна быть воистину грязной, чтобы обстоятельства дела волновали кого-то через два года после смерти исполнителя.

– Стефан прекрасно понимал, что его используют, – продолжила Софи, – поэтому решил подстраховаться. Он оставил мне кое-что.

– Что именно?

– Какие-то документы. Три года назад из-за них убили человека. Все организовал Стефан.

– Просто душка! – скривился я.

– Он выполнял приказ!

Я выставил перед собой открытую ладонь, не желая продолжать спор.

– Ближе к делу!

– Стефан сказал, что в этих бумагах описана какая-то разработка, – неопределенно, будто ничего не знала толком сама, произнесла Софи. – В перспективе она могла привести к падению цен на уголь.

– Прогнившая буржуазия! – усмехнулся я, но сразу прекратил сыпать лозунгами социалистов и попросил: – Так что с этими документами?

– Мне предложили за них сто тысяч франков.

– Сколько?!

– Сто тысяч.

Я присвистнул и спросил:

– И кто же швыряется такими деньгами?

– Анри Фальер, племянник Стефана. Своих детей у Стефана никогда не было, все свое состояние он завещал племяннику. Тайны, как видно, тоже.

Я вспомнил одутловатого молодого человека и предположил:

– Он вчера приходил сюда за этим?

Софи кивнула.

– Анри в отчаянии. Неудачно вложился в балканские облигации и едва не обанкротился. Теперь хватается за любую соломинку.

– И при этом готов выложить сто штук?

– Прошу, кузен, избавь меня от своего жаргона! – поморщилась Софи. – Анри собирается перепродать бумаги и хорошо заработать на этом. Сколько именно, он не сказал, но, полагаю, никак не меньше трехсот – четырехсот тысяч.

– Колоссально! – шумно выдохнул я и уточнил: – Документы в сейфе?

– Почему ты спрашиваешь? – насторожилась Софи.

– Да потому что твоим сейфом интересовались легавые! – не сдержался я, соскочил с кресла и подошел к бару. Шерри трогать не стал, налил себе полстакана кьянти и заходил от стены к стене. – Теперь ясно, что им было нужно! Теперь ясно...

– Жан-Пьер! – прикрикнула на меня Софи. – Сядь и не маячь! – А стоило мне вновь опуститься в кресло, она уже спокойней продолжила: – Даже если полицейские приходили за этими бумагами, не факт, что их навел Анри.

– А кто еще? Кто еще мог о них знать?

– Покупатель как минимум! – легко срезала меня кузина. – К тому же Анри совершенно не умеет держать язык за зубами! Страшно подумать, сколько людей оказалось в курсе его авантюры, прежде чем он вышел на нужного человека.

– Без охраны из клуба ни ногой! – наставил я палец на Софи.

Та рассмеялась, но спорить со мной не стала.

– Завтра утром все кончится. Получим деньги, избавимся от бумаг. Закроем долги.

– И я стану тебе не нужен.

– Вздор! – покачала головой Софи и взяла убранный на пепельницу мундштук. Сигарета за время разговора потухла, кузина раскурила ее заново, затянулась и мягко произнесла: – Нас слишком многое связывает с тобой, Жан-Пьер. И это вовсе не деньги. Совсем не они.

Я кивнул.

– Где ты хранишь бумаги? – спросил я после этого. – Они в сейфе?

– Нет, специально арендовала банковскую ячейку. Заберем документы оттуда, как только Анри подтвердит, что получил от покупателя аванс.

Я сделал крохотный глоток вина и предупредил:

– Осторожней с ним.

– Разумеется, кузен. Разумеется.

– А что со снимками? – напомнил я. – Теми, что с третьего этажа?

Софи досадливо поморщилась.

– Не беспокойся, я их сожгла. Негативы в надежном месте. Их не найдут.

Я влил в себя остатки кьянти, поднялся с кресла и поставил пустой стакан на край столешницы.

– А мои снимки?

Хозяйка клуба помрачнела.

– Не уверена, что это необходимо. Прошлый раз ты неделю ходил мрачный как туча.

– Пьетро, что с него взять! Утонченная творческая натура. Я не такой. Да и время лечит...

Софи покачала головой, подошла к сейфу и достала из него бумажный конверт.

– Негативы тоже отдать? – спросила она после этого.

– Нет, – ответил я. – В негативах нет нужды.

В конверт я заглядывать не стал; мне хотелось посмотреть снимки наедине. И не здесь, не в клубе. Тут словно давили стены. Мне нужен был простор. Позарез нужен был!

– Жан-Пьер! – окликнула меня Софи, когда я направился к выходу. – Будет опрометчиво действовать вслепую. Сможешь что-нибудь разузнать о человеке, от которого избавился Стефан?

– Разумеется, кузина! – пообещал я. – Кто это был?

– Рудольф Дизель, инженер. Это все, что я о нем знаю.

– Когда от него... избавились?

– Три года назад, в апреле.

Я кивнул и вышел за дверь.

3

Клуб я покинул через черный ход. Постоял немного на заднем крыльце, задумчиво поглядывая по сторонам, затем сбежал по выщербленным ступенькам и сразу свернул в соседнюю подворотню.

Кругом – сырые стены, над головой – клочок неба и веревки с бельем. Крики и ругань в квартирах, навязчивый запах готовящейся еды. Темно, тесно, душно. Не думаю, что смог бы здесь жить. Да нет, точно бы не смог.

Задыхаюсь.

Прибавив шаг, я прошел пару дворов и вывернул к набережной канала Меритана, по ней и отправился дальше. Очень скоро дома расступились, и впереди замаячила ширь Ярдена. Я сделал глубокий вдох и замер, любуясь открывавшимся с обзорной площадки видом.

Ветер гнал сверкавшую на солнце рябь, паровые буксиры и самоходные баржи уверенно шли против течения, за ними стелились над водой косматые струи дыма. Тут же сновали прогулочные лодки и яхты. Медленно, очень медленно и солидно плыл пассажирский пароход. Вдалеке реку перечеркивала полоса протянувшегося от берега до берега моста.

Но главное – простор. И небо.

Небо и простор.

При этом Ярден не мог похвастаться ни особой красотой, ни прозрачностью вод. Сбросы промышленных предприятий, стоки очистных сооружений и уличные ливневые канализации отравляли реку, делали ее мутной и зловонной. У берега на поверхности колыхался мусор и блестели масляные пятна.

Появись Афродита из этой серой пены, и вряд ли кто-либо счел бы ее красавицей. Скорее уж наоборот.

Я открыл конверт и вытащил убранные в него фотоснимки.

Там – человек, весь в ожогах и порезах, но уже не свежих, а начавших подживать. На плече – след затянувшегося пулевого отверстия. И сгоревшее до костей лицо.

Мое лицо. Мое настоящее лицо.

Лицо, которого я совершенно не помнил.

*Студеный октябрьский ветер, плеск темной речной воды, щелчок предохранителя...
Вспышка! Грохот выстрела! Толчок в плечо!*

Как Афродита явилась из пены морской, так и я вышел из мутных волн Ярдена. Вышел взрослым, но беспмятным. Что было со мной до той ненастной октябрьской ночи – скрывал туман забвения. Я не помнил ни себя, ни родных. Ничего.

Имя? Не помнил и его.

Была лишь догадка.

На обожженной коже выделялись порезы, они складывались в буквы, разные вариации одного и того же имени – Петр, Peter, Pierre, Pietro, Piotr, Petr, Пётрос...

Почерк был мой. Точно мой – отдельные особенности начертания не оставляли в этом никаких сомнений. Пусть теперь я писал не лезвием по собственной коже, а карандашом по бумаге, буквы выходили похожими как две капли воды.

Я сам нанес себе эти порезы, но с какой стати? И почему одни порезы выглядят старше других? Боялся забыть собственное имя? И где и как я умудрился до такой степени обгореть?

Казалось бы, ответить на этот вопрос было проще всего, но так только казалось.

Я выбрался из реки на пристань неподалеку отсюда и, сколько потом ни просматривал газеты, выискивая сообщения о ночном пожаре в этом районе, ничего так и не нашел. Ни в один из выходивших на Ярден домов не вызывали пожарную охрану, не горели пароходы и яхты.

Крушения дирижаблей? Не случилось в ту ночь и небесных катастроф.

Все, что у меня осталось от прошлой жизни, – фотографии, которые сделала Софи, прежде чем я изменил обличье, но от них было немного проку. Слишком сильно обожгло лицо.

Пьетро Моретти давно смирился с потерей памяти, начав жизнь с чистого листа, а мне показалось, будто снимок сможет что-то пробудить если не в голове, так в душе.

Пустое! Я, как и прежде, помнил лишь плеск волн, шершавые доски и самый первый хриплый вдох, разорвавший легкие острой надсадной болью. Да еще крики.

Щелчок предохранителя...

Тряхнув головой, я скинул оцепенение и убрал фотоснимок обратно в конверт. Затем поднялся со скамейки, огляделся по сторонам и с обреченным вздохом отправился в городскую публичную библиотеку.

Не стоило откладывать в долгий ящик поручение Софи. Сто тысяч франков – слишком большая куча денег, чтобы пускать дело на самотек.

Публичная библиотека Нового Вавилона занимала огромное здание с мраморными изваяниями античных богов на фронтоне и могучими атлантами, державшими карнизы боковых стен. Храм знаний лишь немногим уступал размерами Ньютон-Маркту, но в отличие от полицейского управления не выглядел мрачным и гнетущим, скорее наоборот.

В сквере перед библиотекой искрились на солнце струи фонтана, а все скамейки в округе оккупировали студенты императорского университета. Хватало и тех, кто устроился прямо на газонах и мраморных ступенях портика. Эту публику, как правило, занимали отнюдь не конспекты и книги, а игральные карты и модные журналы. Учебный год только начался, и студюозусы ловили последние погожие деньки перед затяжными осенними дождями.

Попасть в библиотеку оказалось не так-то просто. Вахтер наотрез отказался пропускать меня внутрь без документов, предложив на выбор оформить читательский билет или одноразовый пропуск.

– А что дешевле, мсье? – с улыбкой поинтересовался я.

Благообразного вида дядечка скептически глянул на меня в монокль и раскрыл журнал для посетителей.

– С вас франк, – объявил он, кинул монету в жестяной ящик для сбора платы и макнул стальное перо в чернильницу.

Я назвал себя и спросил, как пройти в зал периодики.

Умное слово впечатлило вахтера, он даже вышел из-за конторки и указал в один из коридоров.

– Идите прямо и никуда не сворачивайте.

Дядька хитро взглянул на меня, словно загадал какую-то шараду, но я лишь кивнул:

– Благодарю, мсье! – и направился в указанном направлении.

Коридор привел в просторный читальный зал. Там оказалось тихо и пусто, большинство ламп не горело, меж стеллажей сгустился полумрак.

– Могу вам чем-то помочь? – поднялась при моем появлении из-за стола дама средних лет. Под лампой осталась лежать раскрытой книга с пожелтевшими от старости страницами.

– Подскажите, пожалуйста, где я могу посмотреть подшивку «Столичных известий» за семьдесят седьмой год? – спросил я, не став на этот раз вставлять никаких французских словечек. Внешность «синего чулка» не позволяла с какой-либо достоверностью определить, мадам передо мною или мадемуазель.

Смотрительница зала разочарованно вздохнула, но все же проводила к одному из стеллажей.

– Газеты сшиты по месяцам, – подсказала она и вернулась на свой пост.

Я отыскал апрельскую подшивку, унес ее за стол под высоким окном и принялся просматривать газеты. Лампу включать не стал. Электричеству я не доверял: так и казалось, что стоит лишь повернуть выключатель – и немедленно случится короткое замыкание или из-за плохой изоляции дернет пальцы разряд.

Фобия? Да нет, будто брезгливость какая-то...

Поначалу ничего интересного не попадалось; я пролистал уже, наверное, треть пачки, когда вдруг заметил броский заголовок передовицы «Таинственное исчезновение инженера!»

Начал читать – и точно, в статье шла речь о Рудольфе Дизеле, точнее, о его бесследной пропаже из запертой каюты парома, следовавшего из Лиссабона в Новый Вавилон. При этом сам инженер репортеров нисколько не интересовал, и никаких подробностей его разработок не приводилось. Сложилось даже впечатление, что никто попросту не удосужился выяснить, над чем именно работал изобретатель.

На следующий день таинственная история с первых страниц перекочевала в криминальную хронику, а до конца месяца о ней упоминали еще лишь пару раз. На всякий случай я просмотрел и следующую подшивку, но впустую. Никаких новых подробностей происшествия не появилось; тело инженера обнаружено не было.

Я оказался в тупике.

Вернув на место подшивки «Столичных известий», я отыскал на стеллажах выпуски «Атлантического телеграфа», перелистнул газеты до нужного числа и начал внимательно изучать посвященную исчезновению инженера статью. И тут мне улыбнулась удача: дотошный газетчик не поленился копнуть чуть глубже и сообщил, что изобретатель якобы выдумал некий движитель, по всем статьям превосходящий паровые и пороховые движки. Подробностей вновь не приводилось, но в них уже и не было нужды.

Раз министр юстиции приложил руку к исчезновению Дизеля, некто весьма и весьма влиятельный усмотрел в этом изобретении угрозу собственным интересам. Или даже интересам империи?

Хотя, пожалуй, нет. Стефан Фальер оказывал кому-то услугу, поэтому и сохранил документы инженера у себя.

Тут я вспомнил слова полковника генерального штаба о разработке принципиально новых движков для аэропланов и зябко поежился. Обстоятельства складывались так, что наша авантюра вполне могла обернуться обвинением в государственной измене, но только повод ли это отказываться от ста тысяч франков?

Покачав головой, я отнес подшивку на место и направился к выходу.

– Прибрали за собой? – встрепенулась смотрительница зала при моем приближении.

– Разумеется, мадам! – улыбнулся я в ответ и, судя по благосклонному кивку, семейный статус тетеньки угадал верно.

На улице я нахлобучил на макушку кепку и после недолгих раздумий с возвращением в клуб решил повременить. В округе с избытком хватало недорогих закусовых, где столовались непритязательные в еде студенты, в одной из них мне за какие-то смешные деньги предложили огромную тарелку мясного рагу и литровую кружку пива.

Пиво принесли кисловатое, а вот рагу оказалось вкусным, да и мяса среди тушеного картофеля и капусты попадалось немало. Очистив тарелку, я попросил еще одну порцию, чем, похоже, изрядно удивил даже привыкшую к прожорливости студентов разносчицу. Под конец трапезы я выпил рюмку шнапса и покинул закусовую, вполне довольный жизнью.

4

Пока трясся в паровике, тяжесть в животе сменилась сонливостью, легкой и умиротворяющей. Все проблемы отошли на второй план, захотелось просто забраться на крышу и часок-другой поваляться на солнышке, любуясь бескрайним небом.

Вырывавшийся из трубы паровика дым время от времени залетал в открытые окна вагона, и тогда пассажиры начинали чихать и кашлять, а вот у меня даже не першило в горле. Я был плоть от плоти Нового Вавилона и другой жизни попросту не знал.

На площади Ома я спрыгнул с задней площадки паровика и без лишней спешки зашагал по тротуару, но сразу остановился на углу и купил в палатке два стакана газированной воды.

Осушил одним махом первый, немного медленней выпил и второй. В рагу определенно переборщили со специями и солью.

Или все дело было в духоте?

Солнце ощутимо припекало, и над раскаленными мостовыми колыхалось марево горячего воздуха, а меж домов растекалась серая дымка смога. Я снял кепку и зашагал дальше, на ходу обмахивая лицо. Уже на подходе к клубу из пропахшего мочой переулка неожиданно послышалось:

– Эй, лягушатник!

Я обернулся, и худощавый тип со свернутым набок носом ловко ухватил меня за рукав.

– Идем, разговор есть.

Привычным движением я крутанул запястье, высвобождая руку, а когда хлыщ попытался ухватить лацкан моего пиджака, без обиняков ткнул его растопыренной пятерней в лицо. Пальцы угодили в глаза, и зажавший лицо ладонями парень отшатнулся назад. Сбоку тут же подскочил невысокий крепыш и замахнулся, намереваясь провести прямой в голову, но я вовремя откинулся назад и выставил перед собой ногу.

Подосва тяжелого ботинка угодила громиле по щиколотке и сбила рывок, из-за этого удар вышел неточным и медный кастет промелькнул перед лицом. Я вцепился в мощное волосатое запястье, врезал коленом в пах, двинул левой по печени и быстро отскочил назад, разрывая дистанцию, поскольку крепыш хоть и охнул, но устоял на ногах. Да еще крысеныш с кривым носом выпрямился и щелкнул выкидным стилетом.

– Ты покойник, лягушатник! – выдал он, заходя сбоку.

Я молча сунул руку в карман с пистолетом, но тут на противоположной стороне улицы раздалась пронзительная трель полицейского свистка. Бандиты рванули в переулок, только их и видели.

Что ж, так даже лучше...

Перебежавшие через дорогу полицейские оказались в штатском. Один, с громоздким пистолетом в руке, прошел в переулок, но преследовать костоломов не стал и вернулся на тротуар.

– Никого, – оповестил он напарника.

Тот убрал свисток в карман и спросил:

– С вами все в порядке?

– Нормально, да, – подтвердил я, поднял с брусчатки кепку и несколькими хлопками о колено стряхнул с нее пыль.

– Что случилось?

Я нацепил кепку и спокойно сообщил:

– Хотели бумажник отобрать.

Сыщики посмотрели на меня с неприкрытым сомнением, но с расспросами приставать не стали. Тот, что ходил в переулок, вытащил из кармана сложенный вчетверо листок, развернул его и продемонстрировал портрет, явно исполненный полицейским художником со слов свидетелей или пострадавшего. Слишком уж неестественно худым выглядело изображенное на бумаге лицо. Впалые щеки, тонкие губы, высокий лоб и глубоко запавшие глаза.

– Видели его? – спросил сыщик.

– Нет, – ответил я без малейших колебаний.

– Может, взглянете? – нахмурился второй полицейский.

Я усмехнулся.

– Такого увидишь, потом кошмары сниться будут. Нет, мсье, я его не встречал.

– Если увидите, сразу сообщите ближайшему постовому!

– Всенепременно! – пообещал я и полюбопытствовал: – Натворил что-нибудь серьезное?

– Отыявленный луддит, – сообщил сыщик. – Устраивает диверсии на электрических подстанциях.

– Ужас какой!

Я раскланялся с полицейскими, и те отправились с портретом на обход питейных заведений. Едва ли они узнают там хоть что-то полезное. Пусть район и не самый пропащий, да только народ тут обитает все больше не из болтливых.

Перебежав через дорогу, я поднялся на крыльцо «Сирены» и толкнулся внутрь, но дверь оказалась заперта. Пришлось идти к черному ходу. Там на выставленном на улицу табурете курил Гаспар. На коленях у него лежала свернутая газета.

– Кузина у себя? – спросил я.

– Ага, – зевнул испанец, откинулся спиной на стену дома и надвинул на лицо кепку.

– Поаккуратней, – предупредил я. – Ходят тут всякие...

Гаспар ничего не ответил, лишь вынул из кармана и сунул под газету наваху.

Я прошел внутрь и зашагал по коридору, а когда из костюмерной комнаты прямо передо мной вывернула несшая ворох платьев рыжая танцовщица, не удержался и хлопнул ее чуть ниже спины.

– Ай! – взвизгнула девушка, резко обернулась и состроила досадливую гримасу. – А, это вы...

Я расплылся в своей самой обаятельно улыбке и предложил:

– Пропустим вечером по стаканчику вина?

– Вот еще! – фыркнула рыжая привереда.

– Жаль, очень жаль.

Тогда танцовщица с интересом прищурилась.

– И даже не станешь обещать замолвить за меня словечко перед кузиной? – спросила она.

– Как я могу опуститься до столь банального вранья?

Девушка улыбнулась.

– Хорошо, подумаю, – вдруг пообещала она. – И хоть ты не спросил, меня зовут Жанна!

– Знаю, – соврал я.

– Откуда?

– Это моя работа!

Я послал Жанне воздушный поцелуй и заглянул в гримерку Ольги Орловой.

– Тук-тук! – сказал, уже распахнув дверь.

Русская прима испуганно вздрогнула и оторвалась от зеркала.

– О-о-о... – протянула она и смущенно улыбнулась. – Жан-Пьер, я должна извиниться за вчерашнее. Это все шампанское. Прости!

– В самом деле? – прищурился я. – А может, повторим?

– Не думаю, что это будет уместно, – мягко ответила Ольга и зарделась.

– Если вдруг передумаешь, всегда к твоим услугам!

Я подмигнул танцовщице и закрыл дверь гримерки, несколько не смущенный отказом. Уверен, это не последний прием с бесплатным шампанским...

Мимолетный флирт поднял настроение, и в кабинет Софи я вошел, продолжая тихонько посмеиваться себе под нос. Кузина оторвалась от бумаг и с удивлением спросила:

– У нас все так хорошо?

– Лучше не бывает! – ухмыльнулся я, накинул кепку на крючок вешалки и развалился в кресле. – Нас либо вздернут за государственную измену, либо перестреляют сицилийцы!

Софи тяжело вздохнула и потребовала:

– Рассказывай, Жан-Пьер!

Я вкратце пересказал все, что сумел выяснить о Дизеле, потом поведал и об уличной стычке.

– Уверен, что это были сицилийцы? – спросила Софи.

– А с каких пор в этом районе грабят средь бела дня? – фыркнул я в ответ. – Но это ерунда. Лучше скажи, что будем делать с бумагами.

Софи покачала головой.

– Пока что, Жан-Пьер, это лишь твои догадки. И потом – мы лишь вернем Анри имущество его дяди. В конце концов, он его наследник.

– Расскажешь это, когда нас поведут на эшафот.

– К черту все! Мы не можем отказаться от ста тысяч франков! Да и Анри от меня не отстанет! Он без пяти минут банкрот и загнан в угол. Я не собираюсь становиться между ним и спасением. Затопчет!

Софи покраснелась, и я не преминул заметить:

– Ты еще красивее, когда сердисься.

– Убирайся к дьяволу, Жан-Пьер! Пьетро никогда не мотал мне нервы, как ты!

– Творческая натура, что с него взять! – рассмеялся я, но сразу осекся и в задумчивости откинулся на спинку кресла.

А какой я на самом деле? Нервный художник или развязный костолом? Или некто совсем другой? Осталось хоть что-то от меня настоящего или прежняя личность потеряна бесповоротно? Получится вернуть память или нет? И что, черт побери, со мной произошло?!

– Жан-Пьер! – окликнула меня Софи. – Жан-Пьер, с тобой все в порядке?

– Просто задумался, – отмахнулся я и поднялся из кресла. – Ты звонила Джимми Чену? Чем раньше отправим табак китайцам, тем лучше. Не хватало еще, чтобы о сделке пронюхали люди Джузеппе.

Кузина налила из хрустального графина в стакан воды, сделала несколько медленных глотков и кивнула.

– Ты прав, тянуть с этим не стоит. Я позвоню Чену и обговорю время. Но пока об этом никому ни слова.

– Нем как рыба, – пообещал я. Единственный секрет, что человек не выболтает ни под пытками, ни случайно, – это тот, в который его не посчитали нужным посвятить.

От Софи я отправился напрямик на кухню, взял там бутылку вина и поднялся на крышу. Уселся у дымовой трубы, достал блокнот и принялся зарисовывать напавших на меня громил. Их лица, фигуры, стойки.

Потом просто пил вино и набрасывал виды окрестных крыш с поднимавшимися к небу жиденькими струйками дыма, трубочистами и гонявшими стаи белоснежных голубей мальчишками. На заднем фоне – башни Старого города и медленно дрейфующие в пелене смога дирижабли. Время до вечера пролетело совершенно незаметно.

Перед самым открытием клуба я спустился на первый этаж и начал прохаживаться в фойе, присматривая за порядком. Публика все прибывала и прибывала, всюду царил шум и гам. Официанты сбились с ног, разнося выпивку, Морис Тома самолично принимал от них поступающие заказы.

Когда подошло к концу выступление фокусника и на сцену выбежали девицы из кордебалета, Антонио толкнул меня в бок и указал:

– Хозяйка вышла.

Софи прошла в бар, но шляпка с вуалью на голове ясно давала понять, что в клубе она оставаться не намерена.

– Очень интересно, – проворчал я и поспешил вслед за кузиной.

– Не забудь запереть выручку в сейф, – напомнила Софи буфетчику, обернулась и улыбнулась. – Жан-Пьер! Ты-то мне и нужен!

Мы отошли от стойки, и тогда кузина негромко произнесла:

– Китайцы будут ждать товар завтра в десять утра позади игорного дома «Три листка» на Максвелл-стрит. Не опаздывай, они этого не любят.

– Понял, – кивнул я и спросил: – Куда-то собралась?

– Собралась, – отстраненно сказала Софи и вдруг помахала рукой. – Альберт!

Я проследил за ее взглядом и увидел поэта, который читал на вчерашнем приеме стихи. Как его, Альберт Брандт?

Точно, он!

– Не хочешь поделиться со мной планами на сегодняшний вечер? – нахмурился я.

– Нет.

– Я должен знать, где тебя искать!

Софи ничего не ответила и протянула поэту руку для поцелуя. Они обменялись приветствиями и отправились к выходу.

Мне оставалось лишь выругаться.

Впрочем...

Я подошел к Антонио и предупредил:

– Ночевать оставайтесь в клубе. И передай это остальным.

Высокий лоб красавчика прочертила глубокая морщина.

– Намечается что-то серьезное?

– Сицилийцы воду мутят.

– И? Долго нам тут безвылазно куковать? – разозлился Антонио.

– День или два, – ответил я спокойно. – Не беспокойся, Софи все оплатит.

– Да не в деньгах дело! У меня собственная жизнь, между прочим!

– Так или иначе, дело всегда в деньгах, – похлопал я красавчика по плечу, бросил напоследок: – Не забудь сказать остальным! – и поспешил к выходу.

Пробежав мимо озадаченного Жилия, выскочил на крыльцо и увидел, как поэт усаживает Софи на пассажирское сиденье приземистой самоходной коляски. Сиденья вызывающе-красного экипажа были обтянуты кожей, а фары, оси и ободья колес сверкали позолотой. Альберт лихо запрыгнул на водительское место, коляску окутали клубы пара, и она резко тронулась с места, перепугав лошадей дежуривших у клуба извозчиков.

Я скатился с крыльца и махнул рукой, а когда рядом остановился конный экипаж, забрался на козлы к вознице и скомандовал:

– Давай за этим пижоном!

Извозчик посмотрел на меня с неприкрытым сомнением.

– Не нужны мне неприятности, господин хороший...

– А деньги? – Я сунул в нагрудный карман сюртука кучера десятку и поторопил его: – Давай шевелись! Моя кузина связалась с каким-то проходимцем, и я должен за ней присмотреть!

Не знаю, подействовала история или десять франков, но дядька взмахнул вожжами, и экипаж покатиł по улице. На перекрестке мы повернули, и лошади резво потрусили за окутанной белыми клубами пара самоходной коляской. Ее движок негромко фырчал, а поэт лихо крутил баранку, объезжая тихоходные телеги.

– Дьявольское изобретение! – выругался извозчик и сразу косо глянул на меня, немного даже испуганно.

– Истину глаголешь, – усмехнулся я, дав понять, что не отношусь к механистам, и тогда болтун с облегчением перевел дух.

Вскоре самоходная коляска вывернула с освещенной газовыми фонарями улочки на широкую набережную, где на чугунных фонарях вдоль реки резким белым светом горели электрические лампы. Из-за множества конных экипажей Альберту пришлось сбросить скорость, и мы пристроились позади коляски, уже не опасаясь упустить шустрый аппарат из виду.

К счастью, поэту не пришло в голову обогнуть затор переулками, он так и ехал дальше без всякой спешки по набережной. Самоходный экипаж миновал один мост, затем другой и свернул к реке, где у разбитого на берегу сквера стоял на приколе пассажирский пароход.

Альберт Брандт поставил паровую коляску на свободное место, выбрался из нее и подал руку Софи. Когда они направились к дебаркадеру, извозчик хохотнул:

– Основательно к делу подошел, шельмец!

Я кивнул. Над сходящими висела красочная вывеска «Ля Мистраль»; надо понимать, это был ресторан французской кухни. Если судить по публике, вовсе не из дешевых. Впрочем, в дешевую забегаловку поэт владелицу «Сирены» и не пригласил бы.

– Ну, стало быть, я свободен? – спросил кучер, многозначительно шмыгнув носом. – Поеду?

– Куда собрался? Десятку еще и близко не отработал! – возразил я и счел уместным подсластить пилюлю: – Лицо попроще сделай! Если через два часа не выйдут, накину сверху еще.

Дядька недовольно покрутил головой, но спорить не стал.

– Черт с тобой! – махнул он рукой, соглашаясь с предложенными условиями.

Ну да еще бы ему не согласиться!

Я спрыгнул с козел и огляделся по сторонам. В сквере оказалось многолюдно. Совершавшие вечерний променады по набережной горожане сворачивали сюда перевести дух на скамейках, выпить газированной воды или разливного вина, посмотреть на выступления фокусников и жонглеров. На небольшой эстраде играл оркестр, там кружились в танце несколько пар. Под фонарями расположились портретисты, по тропинкам расхаживали продавщицы сигарет и цветов, в палатках готовилась немудреная снедь вроде пончиков и лепешек, а в пузатых чанах подогревался глинтвейн.

Попадались на глаза и личности в высшей степени подозрительные, но едва ли кто-то из них мог следить за Софи, поэтому я предупредил извозчика:

– Смотри за коляской и не вздумай уехать, – а сам зашагал к палаткам.

Побродил там, приняхиваясь к аромату готовящейся на открытом огне еды, и купил у старого грека гирос. В тонкую лепешку оказались завернуты мелко-мелко нарубленные кусочки жареной свинины и ломтики хрустящей бельгийской картошки, все это было сдобрено овощами и традиционным греческим соусом.

Отыскав свободную скамейку, откуда просматривалась парковка, я поужинал, вытер пальцы носовым платком и купил стакан газированной воды без сиропа. К вечеру жара спала, но, на мой взгляд, для глинтвейна сейчас было слишком душно.

Вернув ларечнице пустой стакан, я направился к экипажу, и тут же рядом оказалась молоденькая цыганка в платье с длинной цветастой юбкой.

– Эй, красавчик! Давай погадаю! – затараторила она. – Порча на тебе лежит, порча страшная! Снять ее надо, а то долго не проживешь!

– Сейчас полицейского кликну, – негромко произнес я. – За антинаучную деятельность впаяют – мало не покажется.

Цыганку словно ветром сдуло. Приглядывавшие за ней со стороны черноволосые парни зло зыркнули на меня, но цепляться не стали. За порядком в сквере следила пара конных констеблей.

Только я направился дальше, и сбоку немедленно пристроился сутулый господин в не по погоде длинном плаще.

– Обереги от сглаза не желаете приобрести? Ведьмам и малефикам человека проклясть – раз плюнуть! А вы с цыганами сцепились, не к добру это. Да и от inferнальных тварей защита имеется, вот взгляните! – И продавец амулетов слегка приоткрыл полы своего одеяния, сетчатые кармашки на внутренней стороне которого оказались заполнены замысловатыми куло-

нами, колечками и подвесками из светло-серого металла. – Вы не подумайте, все на строго научной основе! Используем только алюминий! А еще есть зубные коронки из титана!

– Не интересуется, – отказался я, поскольку такие побрякушки от магии защитить не могли, а драли за них втридорога.

– Но постойте...

– Отвали! – нахмурился я, и торговец спешно от меня отошел.

А вот скользкому типу в надвинутой на самые глаза фуражке чутья на неприятности явно не доставало, поскольку на отказ посмотреть фотокарточки он принялся совать их мне под нос.

– Вы только взгляните! – лихорадочно зашептал проходимец. – Ее величество в своем потустороннем обличье и при этом совершенно голая!

Лицо императрицы Анны на снимке оказалось безыскусно совмещено с фигурой грудастой девахи, а раскинутые крылья за ее спиной и вовсе были, такое впечатление, сделаны из картона и страусовых перьев. Но выдавало подделку даже не это – просто рискни фотограф и в самом деле запечатлеть такой кадр, пленка оказалась бы неминуемо засвечена. Но, разумеется, любителей подобных художеств это нисколько не волновало.

– Сгинь! – потребовал я, невесть с чего ощутив вдруг глухую злобу на распространителя срамных снимков.

– Такого больше ни у кого нет! – ухватил тот меня за плечо, получил кулаком в живот и завалился в кусты.

Я огляделся по сторонам, но на короткую стычку никто внимания не обратил, тогда шагнул в кусты и сам. Пару раз пробил проходимцу в голову и с чувством выполненного долга отправился назад, к экипажу. Раздражение отступило само собой.

– Не появлялись еще? – спросил я у извозчика, развалившись на широком сиденье.

– Нет, – отозвался тот, сворачивая самокрутку. Затем прикусил ее, сплюнул с языка крошки табака и спросил: – Долго куковать тут будем?

– Тебе-то что? – фыркнул я, сдвигая на глаза козырек кепки. – Ты сидишь, а денежки идут. Еще и музыку слушаешь, чисто на концерте!

– Да не по мне это, – вздохнул дядька и разгладил вислые усы. Потом досадливо махнул рукой, закурил и надолго замолчал.

В следующий раз он окликнул меня, когда я уже начал проваливаться в полудрему.

– Появился, стервец! – сообщил извозчик. – Но один, нету твоей сестрицы. Не вижу.

Я продрал глаза, зевнул и предположил:

– Может, пошла носик припудрить? – Перебрался на козлы к извозчику и усмехнулся. – А! Нет, это он паровой котел раскочегаривает просто...

– Выдумают же люди гадость всякую... – поморщился дядька. – Живых тварей никакой механизм не заменит.

Альберт Брандт еще немного повозился с самоходной коляской, затем опустил крышку капота и вернулся в ресторан.

– И долго теперь раскочегариваться будет? – спросил извозчик.

– Четверть часа, – предположил я, и дядька приободрился, рассчитывая успеть за вечер взять еще одного или двух клиентов.

С набережной послышалось частое-часто стрекотание порохового движка, по дороге мимо нас неспешно прокатил полицейский броневик. Луч его поворотного фонаря скользнул по скверу и ушел дальше. В голове тут же забилась размеренная пульсация и почудились отголоски призрачных голосов, но почти сразу все стихло. Осталось лишь неприятное давление в затылке.

Я потер виски пальцами и недовольно поморщился. У Пьетро Моретти таких проблем не было. Если только поначалу...

Софи и Альберт покинули ресторан уже минут через десять. Поэт помог спутнице забраться на пассажирское место, сам уселся за руль, включил фары и резво тронулся с места. К этому времени набережная опустела, и он воспользовался возможностью выжать из парового двигателя все заложенные в него лошадиные силы.

Мы сразу отстали, но коляску из вида не потеряли и уверенно висели у нее на хвосте. Альберт направлялся в сторону центра; когда он свернул на узенькую темную улочку, извозчик попросил меня зажечь фонарь. Я так и сделал и вывесил лампу сбоку. Дорогу та нисколько не освещала, зато позволяла избежать столкновений со встречным транспортом: фарами были оснащены лишь самоходные экипажи.

Неожиданно меж крышами домов бесшумно мелькнула черная тень, и лошади испуганно заржали. Я сунул руку к пистолету, но непонятная тварь уже сгинула без следа.

Извозчик нервно ругнулся и поправил сунутый за голенище сапога кнут.

– Ну вот куда это он намылился? – пробурчал дядька, свернув в очередной переулок. – Старый город до сих пор перекопан! Нечего там ночью делать! Дрянь место стало! Никогда ночью туда заказы не принимаю!

Я только фыркнул и потребовал:

– Не отставай!

На самом деле разрушенный несколько лет назад центр Нового Вавилона по большей части уже восстановили, строительные работы продолжались только в окрестностях дворца, где сожженные небесным огнем здания попросту снесли и все отстраивали заново.

Самоходная коляска еще немного попетляла по тихому району неподалеку от Императорской академии и въехала на узенькую улочку, дома на которой тесно жались друг к другу, а на стенах, освещая медные цифири, горели газовые фонари.

Поэт остановил машину возле двухэтажного особняка, ничем внешне не примечательного, выбрался из-за руля и протянул руку Софи.

– Теперь что? – спросил извозчик.

– Езжай! – распорядился я.

Дядька взмахнул вожжами, и лошади негромко зацокали копытами по булыжной мостовой. Ни Альберт, ни Софи не обратили на наше приближение ни малейшего внимания. Поэт отпер входную дверь и предупредил:

– Мне надо отогнать коляску на задний двор...

Извозчик придержал лошадей, и я приподнял кепку над головой.

– Мсье Брандт, кузина!

– Жан-Пьер? – опешила Софи и нахмурилась. – Ты следил за нами?!

– Просто забыл уточнить, к какому времени прислать за тобой Луку.

Госпожа Робер с вызовом ответила:

– К половине десятого утра! Это все?

– Мадам, мсье! Доброй ночи! – с улыбкой попрощался я и скомандовал извозчику: – Трогай!

Переваливаясь на неровной брусчатке, экипаж покатило прочь, и кучер не удержался от усмешки.

– А сестрица твоя – себе на уме!

– Не без этого, – согласился я.

Извозчик глянул на меня и многозначительно произнес:

– Дело сделано, так?

Я вытащил из бумажника мятую пятерку и покачал головой.

– Сделано, да не совсем. Давай обратно к «Сирене».

Кучер спорить не стал. Не иначе и сам собирался ехать в ту сторону.

5

Ночевать остался в клубе, но и так пришлось встать ни свет ни заря. Первым делом позвонил в транспортную контору «Адам Заремба и сыновья» и напомнил о заказанном на утро фургоне, потом растолкал Луку и велел ехать за Софи. Остальным охранникам раздал револьверы и отправил их на задний двор перетаскивать ящики с табаком из каретного сарая на улицу, чтобы потом сразу погрузить товар в арендованный транспорт.

Пришлось пособачиться, но никто из вышибал права особо не качал. Работал я наравне со всеми, а премию нам с этой сделки Софи посулила немалую.

К тому времени, когда весь табак был вытащен во двор, солнце уже поднялось над крышами домов и начало заметно припекать. Я повесил пиджак на перила лестницы и принялся обмахивать раскрасневшееся лицо кепкой.

Антонио достал из жилетного кармашка часы, взглянул на них и возмутился:

– Уже десятый час! Где этот драный фургон?!

– На свидание опаздываешь? – усмехнулся Жиль, раскрыл портсигар и закурил.

– Да просто элементарно привести себя в порядок хочу! – с вызовом ответил красавчик. – Никакой личной жизни с этой работой!

Гаспар кивнул, соглашаясь с коллегой.

– Нам еще ящики загружать, – напомнил он. – Жан-Пьер, позвони им!

– Приедут, – отмахнулся я, подтянул штанины и уселся на нижнюю ступеньку лестницы.

Эту транспортную контору Софи привлекала всякий раз, когда требовалось перевезти какие-то тяжести, проблем с ними никогда не возникало. Да и сегодня не так уж сильно задерживаются. Десять минут погоды не сделают.

– А я бы позвонил... – начал Антонио, и тут же за оградой послышался шум парового движка и требовательно просигналил клаксон.

Я поднялся на ноги и скомандовал:

– Открывайте ворота!

Гаспар убрал поперечный брус и вместе с Жилем раздвинул створки. Паровой фургон только начал сдавать задом, как вдруг дверцы кузова распахнулись и два типа с закрытыми платками лицами и надвинутыми на глаза шляпами наставили на нас короткие стволы лупар. Еще двое налетчиков с револьверами забежали в ворота.

– Назад! Руки вверх! – заорали они. – Быстро!

Ничего не оставалось, кроме как выполнить распоряжение, тогда грабители с обрезами выпрыгнули из кузова. Один приблизился ко мне и вдруг шибанул прикладом лупары в живот. Я успел напрычь пресс и слегка развернуться, пропуская удар вскользь, но и так от пронзившей ребра боли скорчился и не успел увести голову от нового, еще более резкого замаха. И хоть начал валиться с ног за миг до того, как приклад врезался в лоб, это уже несколько не помогло.

Вспышка, искры из глаз, мрак...

– Очнись!

– Жан-Пьер!

– Очнись! Да очнись же ты!

Слова доносились откуда-то издалека и кружились в заполнившей голову пустоте.

– Очнись, Жан-Пьер!

Я и рад был очнуться, да не мог. Рвался откуда-то с самого дна бездны, загребал тьму руками, пытался выплыть на свет, но все впустую.

– Жан-Пьер!

Глаза вдруг распахнулись, и солнце вонзило в них свои пылающие когти. Земля заходила ходуном, и я бы непременно упал, когда б уже не лежал на спине. По виску текло что-то теплое и липкое.

Кровь? Она самая...

– Живой! – с облегчением перевела дух Софи и выпрямилась, убирая от моего носа пузырек с нюхательной солью.

Я перевалился на бок, попытался подняться на четвереньки, и сразу накатила дурнота. Пришлось уткнуться лбом в гравий.

– Лежи спокойно! – потребовала Софи, будто мне оставалось что-то иное...

Я повернул голову, чтобы лоб не кололи острые мелкие камушки, и увидел, как Лука освобождает моих товарищей по несчастью. Рядом со связанными вышибалами у стены каретного сарая сидел и водитель фургона; нос его распух, пшеничного цвета усы слиплись от засохшей крови. На земле валялось наше разряженное оружие, а вот табака и след простыл.

– Дерьмо! – прохрипел я, попытался подняться, и меня немедленно вырвало. Ладно хоть не упал лицом в блевотину, сумел отодвинуться в сторону.

Софи принесла какой-то лоскут и начала заматывать мне разбитую голову, а когда освобожденные охранники загалдели, развернулась и прикрикнула на них:

– Ну-ка умолкните! И оставьте мне решать, кто виноват! Лука!

Громила подошел, ухватил меня под руку и легко поставил на ноги.

– В мой кабинет! – приказала госпожа Робер. – А вы чего стоите? Ворота закройте!

Вышибалы бросились выполнять распоряжение, а водитель фургона залепетал что-то о полиции, но Софи и слушать ничего не стала. Она раскрыла золотой медальон с часами, взглянула на циферблат и объявила:

– Никакой полиции до полудня! Лука, проводи его в комнату отдыха и помоги привести себя в порядок! Можете взять в буфете бутылку вина.

Если молодого поляка такой расклад и не устроил, протестовать у него решимости не хватило, очень уж недобрый вид был у вышибал.

Лука завел меня в кабинет кухни и уложил на диванчик, а сам встал у двери.

– Не уходи, – остановила его Софи. – Жан-Пьер, можешь говорить?

Голова кружилась все сильнее, стены раскачивались, потолок выгибался, а стоило лишь закрыть глаза – и стало еще хуже.

– Надо выпить, – сообщил я. – Что-нибудь покрепче.

– Лука, налей ему кубинского рома.

Вышибала достал из бара бутылку темно-зеленого стекла, наполнил до краев стакан и сунул его мне в руку. Я принохался, и резкий запах подействовал ничуть не хуже едкой вони нюхательной соли.

Я сделал осторожный глоток и скривился. Потом стянул с головы тряпицу, которая, по счастью, не успела присохнуть к ране, смочил ее ромом и прижал к рассеченной коже. Ссадина полыхнула огнем.

– Ух... – присипел я и откинулся на спинку диванчика.

– Жан-Пьер! – рывкнула потерявшая терпение Софи. – Это были люди Джованни?

– Не знаю, – ответил я. – Но того типа, что врезал мне прикладом, я уже видел раньше. Это он подкараулил меня вчера перед клубом. Я рассказывал об этом, помнишь?

– Проклятье! – выругалась хозяйка клуба. – Откуда они прознали о табаке?!

– У нас завелась крыса? – предположил Лука и закрутил ус, глядя при этом почему-то на меня. Ну да, новый человек в команде...

Но Софи, разумеется, никаких подозрений на мой счет не испытывала.

– Жан-Пьер, что ты об этом думаешь? – спросила она.

– Исключено.

– А как иначе?! – не согласился со мной бывший борец. – Сицилийцы не могли караулить за воротами! Да они и о табаке знать не могли! Им кто-то донес!

– Кто-то донес – это несомненно, – не стал я оспаривать очевидного. – Кто-то из тех, кто знал о табаке и был осведомлен о его сегодняшней отправке китайцам.

– Кому ты рассказал об отгрузке, Жан-Пьер? – потребовала ответа Софи.

Я отнял тряпицу от виска и прямо заявил:

– Никому. Об отправке табака знали только ты и я. Остальных я поставил утром перед фактом, весточку сицилийцам они послать никак не успевали. Все время были на виду.

Софи закусила губу.

– Транспортная контора? – предположила она.

Но тут покачал головой Лука.

– Мы всякий хлам обыкновенно перевозим – реквизит, декорации...

Хозяйка клуба застучала ноготками по столешнице, потом посмотрела на меня.

– Сицилийцы снюхались с узкоглазыми?

Лично я других вариантов попросту не видел.

– Возможно, Джованни требуется не столько клуб, сколько наш канал. Только переправлять по нему он хочет не табак. Или не только табак.

– Опиум? – предположила Софи.

– И гашиш. Китайцы не откажутся поучаствовать в контрабанде и того и другого.

Полицию мало волновало то, что происходило в Китайском квартале, пока это оставалось в Китайском квартале. Сбывать там на улицах и в притонах наркотики не составляло никакого труда. Как правило, сложности возникали с их доставкой в Новый Вавилон – для этого был нужен надежный канал, а заполучить его вовсе не просто. Договариваясь о поставках контрабандного табака, Софи задействовала все свои немалые связи, но и так переговоры тянулись едва ли не год.

Кузина надолго задумалась, потом спросила:

– Крепко досталось?

– Два часа – и буду как огурчик.

– Тебе что-то нужно?

– Не мешает бутылка вина.

– Лука, проводи его, – попросила Софи громилу, – и позови Жилия. Надо кое-что проверить.

Вышибала не только помог мне подняться с диванчика, но и придержал, когда я покачнулся и едва не уселся обратно. К счастью, дурнота почти сразу отступила, и мы направились к двери. Вышли в коридор, а там Лука тихонько предупредил:

– Если узнаю, что ты как-то связан с этим, сверну шею.

– Какая муха тебя укусила? – беспечно улыбнулся я, но улыбка вышла так себе. Меня штормило, голова кружилась, во рту стоял мерзкий приторно-сладкий привкус.

– Проблемы начались после твоего появления.

– Чушь! Шло б все гладко, меня бы здесь не было!

Лука кивнул.

– Так, возможно, в этом все и дело? – многозначительно заметил он, но развивать мысль не стал. Вместо этого усадил меня в фойе на стул, а сам сходил в бар и вскоре вернулся оттуда с откупоренной бутылкой вина. Красное сухое, все как я люблю.

Но кьянти?

Я с подозрением глянул на громилу и спросил:

– Французского не было?

– Нет, – односложно ответил Лука, помог встать и повел меня к лестнице.

Ноги так и подгибались, но бывший борец всякий раз легко удерживал меня от падения. Мы начали подниматься на второй этаж, и вот уже там на лысине Луки наконец заблестели капельки пота.

– Какого дьявола ты позабыл на крыше? – спросил он, не скрывая недовольства.

– Воздух. Свежий воздух, – ответил я, едва не проваливаясь в бесцветно-серую бездну забвения.

Распахнув низенькую дверцу, я буквально вывалился на крышу. Растянулся на черепице, и Лука протянул бутылку вина, а сам огляделся и задумчиво покрутил завитой ус, но больше ничего говорить не стал и потопал вниз.

В голове звенело все сильнее; я приложился к горлышку, сделал несколько жадных глотков, подавился и облился вином.

Не беда! Сорочка и без того кровью перепачкана. Теперь на выброс.

Когда немного отпустило головокружение, я перебрался на свое любимое место к печной трубе и развалился в ее тени на нагретой солнцем черепице.

Хорошо? Хорошо.

Но дурнота не отступала, небо кружилось, и вместе с небом понемногу начал кружиться весь остальной мир. Вино не помогало, голова продолжала раскалываться, да еще ломило отбитые прикладом ребра. Дышать становилось все трудней.

Я отставил бутылку, раскинул руки и уставился в затянутую серой дымкой высь. Над городом плыли дирижабли, между ними и крышами домов носились стаи голубей. Я заставил себя расслабиться и отрешиться от боли, но головокружение никуда не делось. Показалось даже, что меня под размеренные взмахи крыльев несет над столичными домами, а ветер обдувает и срывает все наносное, оставляет одну лишь суть.

Настоящего меня.

В груди потеплело. Я словно впитал в себя окружающий простор и вскоре ощутил легкое биение силы. Бездумно, словно моими действиями управлял некто иной, потянулся к голове, и боль моментально стихла, осталось лишь саднящее жжение. Организм вернулся к своему изначальному состоянию и стер все последствия сотрясения мозга, оставив от серьезной раны только рассечение кожи.

Затем ладонь легла на отбитый бок, но ребра я до конца исцелять не стал. Просто зарастил трещины и остановился, оставив малую крупицу силы на будущее. Та жгла и дергала пальцы, словно маленький злой уголек, и все же я удержал ее, вопреки внутреннему давлению.

Приберегу на крайний случай. Лишним точно не будет.

Как не помешает какое-то время ощущать легкую ломоту в ребрах. Нельзя совсем уж забывать о пропущенном ударе, иначе мое чудесное исцеление может породить слишком много неудобных вопросов. Так и до обвинения в сговоре с налетчиками недалеко. Устроят темную – не отобьюсь.

Как обычно, после использования таланта навалилась жажда, и я надолго приложился к горлышку. А затем просто лежал на крыше и бездумно смотрел в небо. Когда бутылка опустела, вставать не стал и продолжил любоваться несшимися над городом облаками.

Это... успокаивало.

6

Двух часов мне не дали. Самое большее – провалялся на крыше половину запрошенного срока; отбрасываемая печной трубой тень сместилась не так уж и сильно.

Подобные мелочи я подмечал подсознательно.

Что это говорило обо мне настоящем? Человек со столь развитой наблюдательностью – кто он? Сыщик или жулик? А быть может, простой художник?

Не знаю. Не могу вспомнить. Просто не могу.

– Ты выглядишь слишком довольным жизнью для человека, которому чуть не проломили череп, – отметил выбравшийся на крышу Гаспар. Он уселся рядом и закурил, потом покачал головой. – Да уж, отделали тебя...

Я осторожно прикоснулся к рассаженному виску и поморщился. Рана перестала кровоточить, но отек никуда не делся.

– Что-то случилось? – спросил я испанца.

– Хозяйка просит тебя к себе, – сообщил Матадор. – Сам дойдешь? Я тогда докурю.

– Кури. – Я поднялся на четвереньки и постоял так немного, затем перебрался к чердачной двери. Оттуда напомним: – Запереть не забудь.

Гаспар кивнул, и я, контролируя каждое свое движение, спустился на чердак. Накатило и почти сразу прошло головокружение, кольнула недолеченные ребра боль. Я осторожно наполнил легкие воздухом, постоял так немного, затем двинулся дальше.

Персонал уже подходил в клуб, и начиналась подготовка к вечернему представлению, но наверх танцовщицы и официанты не поднимались, а вот на первом этаже, дабы не привлекать внимания, пришлось прикрыть рассаженную голову кепкой. И все бы прошло лучшим образом, не угоразди меня наткнуться на рыженькую девицу из кордебалета.

Как ее, Жанна? Она самая.

– Жан-Пьер! – всполошилась слишком уж наблюдательная танцовщица. – Что с тобой?!

Я беспечно улыбнулся в ответ.

– Пустяки, просто царапина. Черт дернул заняться починкой черепицы. Не мое это, просто не мое.

– Давай я забинтую!

– Шутишь? Чтобы я ходил как раненый солдат?

– А лейкопластырь?

Идея показалась здоровой – не стоило выставлять рану на всеобщее обозрение, слишком уж быстро она подсыхала и затягивалась.

– Лейкопластырь? – хмыкнул я. – Отличная идея!

– Идем!

В общей гримерке никого не оказалось. Жанна прикрыла рассечение кусочком бинта, а сверху крест-накрест наклеила две полоски лейкопластыря. Вид у меня после этого сделался откровенно бандитским.

– Ты просто умница! – не поскупился я на похвалу.

– Подожди! – остановила меня Жанна, смочила салфетку и стерла с лица следы крови. – Вот, так гораздо лучше. Твоя Ольга точно не справилась бы!

– Моя? – притворно поразился я.

– Все вы, кобели, к ней неровно дышите. Только воображаете, что этого никто не видит!

Я обхватил Жанну за талию и улыбнулся.

– Ерунда. Мне больше рыженькие нравятся.

Танцовщица высвободилась далеко не так быстро, как могла, и беззлобно шлепнула меня по руке.

– Врешь ты все!

– И в мыслях не было! – Я отошел к двери, обернулся и пообещал: – С меня ужин.

– Говоришь так, будто я уже согласилась.

– Против моего обаяния никому не устоять!

– В зеркале-то себя видел? – прыснула от смеха Жанна.

Я прикоснулся к полоскам лейкопластыря и кивнул.

– Ну да. Тогда – когда заживет.

– Иди уже!

– Благодарю!

Я надел кепку, опустил козырек пониже на лоб и вышел в коридор. Мельком глянул в зеркало на стене и остался увиденным вполне доволен. Лейкопластырь в глаза нисколько не бросался.

Да и мало ли? Вдруг у меня там чирей вскочил?

Перекинув пиджак через руку, я заглянул в кабинет Софи и прямо с порога спросил:

– Есть новости?

– Закрой дверь, – потребовала хозяйка клуба, потом многозначительно произнесла: – Звонил Анри Фальер.

Я на миг замер, не понимая, о ком идет речь, потом прищелкнул пальцами.

– Ах да! Фальер! Чего он хотел?

– Он готов заплатить сто тысяч.

– Когда?

– Сегодня – завтра.

Я опустился на диванчик и шумно выдохнул.

– Однако!

– Сто тысяч решат все наши проблемы.

– Денежные проблемы.

– Дело всегда в деньгах, не ты ли так говорил? – напомнила Софи.

«Дело всегда в деньгах, но лишь пока речь не заходит о власти», – мог бы возразить я, но промолчал. Между деньгами и политикой – очень тонкая грань, подчас совершенно незаметная со стороны.

Я потер переносицу и предложил:

– Почему бы не передать ему документы прямо в банке?

– Жан-Пьер! Тебя слишком сильно стукнули по голове? – округлила глаза Софи. – Если Анри узнает, где хранятся бумаги, то сможет все переиграть! А так ты придержишь их у себя. Даже если в клуб нагрянет полиция, они ничего не найдут.

– Фальер не отдаст деньги просто так. Ему понадобится подтверждение.

– Оставлю титульный лист.

– Может сработать, да, – кивнул я и поморщился от боли. – Когда поедем в банк?

Софи поднялась из-за стола, налила в стакан шерри, выпила и лишь после этого ответила:

– Прямо сейчас.

Ей было откровенно не по себе, и немудрено – куш на кону стоял изрядный.

– А что с табаком? – спросил я.

– Жиль занимается этим.

– Джимми Чен?

– Звонит не переставая, но я ему не доверяю. Фургон бросили на соседней улице, его уже вернули хозяевам, – сообщила Софи и взяла с вешалки шляпку с вуалью. – Лука и Гаспар поедут с нами. Антонио присмотрит за клубом, но в любом случае мы вернемся задолго до вечернего представления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.